

Нет листов со
стр. 17 по стр. 65.
12.04.10. *Э.В.Васильев*

„Н е н а ш ь“.

(Изъ воспоминаній врача о Карійской каторгѣ).

О ссыльно-каторжномъ Ёгорѣ Рожковѣ, изъ «не нашихъ», я узналъ впервые отъ Ивана Павловича Мельшихъ (старшаго фельдшера каторжнаго лазарета) вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Кару, въ 1872 г.

Недѣли черезъ полторы, при осмотрѣ шести каторжныхъ тюремъ, я услышалъ рассказы о томъ же Рожковѣ и отъ смотрителей тюремъ, въ которыхъ, какъ оказалось, по очереди, перебивалъ Рожковъ «для исправленія», «усмиренія», «сокращенія строптивости», въ теченіе своей трехлѣтней каторжной жизни.

Наконецъ, и самому мнѣ лично,—по особому предписанію,—пришлось увидѣть Рожкова, лѣчить и наблюдать его въ лазаретѣ, въ теченіе около шести мѣсяцевъ.

Иванъ Павловичъ рассказывалъ:

— Станный, непонятный человѣкъ! Сумасшедшій, не сумасшедшій, а что-то въ немъ есть неладное, на другихъ

не похожее... Подумайте: три года его бьютъ, морять голодомъ, холодомъ; били плетми, пороли розгами; чего-чего съ нимъ не продѣлывали, чтобы заставить работать казенную работу, а онъ палецъ о палецъ не ударить... Такъ и по сіе время не могутъ заставить работать.—«Работа не моя, а твоя; тебѣ нужна работа—работай, а мнѣ она не нужна... я работать не буду»:—вотъ и весь его разговоръ съ начальствомъ... Начальству, конечно, обидно слышать такое отъ каторжнаго, да и зазорно предъ подчиненными, а главное,—предъ остальными каторжными... «Заставимъ работать!» «Будеть работать»!.. Да нѣтъ, не тутъ-то было...

Сначала, какъ пришелъ Рожковъ на каторгу, бывшій завѣдующій, полковникъ За—нъ, испробовалъ надъ нимъ плети, розги, голодъ, холодъ. Не идетъ Рожковъ на работу, да и только... Одинъ разъ приказалъ силою взять, «хоть волокомъ тащите, а чтобы былъ на работѣ... Приѣду въ разрѣзъ, провѣрю»...

Разрѣзъ, въ которомъ работали каторжные съ Верхней тюрьмы, былъ расположенъ верстахъ въ четырехъ отъ нея. Въ разрѣзѣ снимали поурочно торфъ (восемь человѣкъ на кубическую сажень торфа) и обнажали золотоносный песокъ для промывки. Каторжныхъ лѣтомъ будятъ въ 4 часа и выгоняютъ на работу къ пяти. Работа продолжается до 8¹/₂—9 вечера. Будятъ ихъ больше ружейными прикладами, а то и за бороду тюремный приставникъ, или смотритель, съ нарѣ стащить, вотъ и разбудить! Очень-то съ ними не церемонятся... Съ верхнихъ нарѣ, что устроены подъ потолками, надъ окнами, выгнать бываетъ труднѣе: темно, низко, ползать надо—иной и просидить... Здѣсь, въ каторгѣ,

не говорятъ: выводить на работу, а «выгонять»,—какъ стадо барановъ,—хочешь, не хочешь—иди! На то каторга... А битвы бываетъ съ ними довольно... Ну, вотъ подняли, разбудили въ тотъ день и Рожкова.—Выходи изъ тюрьмы! На работу иди; въ разрѣзъ тебя велѣно, — кричалъ смотритель.

— Работа не моя, твоя; мнѣ она не нужна; ты хочешь—работай!..

Прикладами, толчками, пинками, а больше волокомъ, за руки, за ноги, вытащили его изъ тюрьмы, чрезъ весь тюремный дворъ-ограду, за ворота, на улицу, гдѣ около воротъ собралось выгнанное изъ тюрьмы каторжное население,—до 600 человекъ и стояло рядами, въ четыре шеренги, окруженное конвоемъ, съ заряженными ружьями, въ ожиданіи счета передъ выходомъ на работу.

Дотащивъ волокомъ Рожкова до начала первой шеренги, бросили его на землю. Лежить Рожковъ, не шевелится... Начался и окончился счетъ выгоняемымъ на работу, подали сигналъ... конвой окружилъ толпу... тронулись! Рожковъ ни съ мѣста, такъ и остался лежачимъ... Въ бѣшенствѣ подбѣжали смотритель, помощникъ, тюремные приставники, караульный начальникъ-урядникъ — ни съ мѣста! Били прикладами, пинками; за бороду рвали, — лежитъ какъ мертвый... Что тутъ дѣлать? Время идетъ, да и приказъ завѣдующаго надо исполнить во что бы то ни стало, общалъ пріѣхать—удостовериться... Каторжане стоятъ, посматриваютъ,—что будетъ?

Догадались! Принесли носилки, усадили Рожкова, и каторжные, поочереди, несли его до разрѣза, версты четыре.

Сидѣлъ онъ смирно и молчалъ всю дорогу. Донесли и бросили въ срединѣ цѣпи караула, которой окружается разрѣзъ, гдѣ производится работа.

Выводимые на работу каторжные обыкновенно берутъ съ собою дневную порцію хлѣба—лѣтомъ 4 фунта, чтобы перекусить въ полдень и выпить чашку кирпичнаго чаю. Въ полдень работа прерывается и дается отдыхъ на полтора часа. Горячую пищу—«баланду» (супъ) ѣдятъ разъ въ сутки, вечеромъ, когда возвращаются съ работы. Рожкову было не до хлѣба, когда его выпроваживали изъ тюрьмы... Четырнадцать часовъ пролежалъ онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его бросили,—не ѣлъ, не пилъ. Приѣзжалъ полковникъ З—нъ удостовѣриться; ему одинъ отвѣтъ: «работа не моя, а твоя. Хочешь работай, мнѣ она не нужна»! Полковникъ приказалъ тутъ же дать двадцать плетей. Вытребовали палача Сашку и отсчитали, избили до полусмерти.—«Пейте мою кровь, ироды, пейте! подавитесь и сами когда-нибудь»!—Вотъ его и весь сказъ. Послѣ работы, избитаго, хотѣли гнать пѣшкомъ обратно въ тюрьму... «Вы меня принесли, самъ я не шель,—мнѣ не надо идти, вамъ надо,—вы и несите обратно»!.. Такъ и принесли обратно на тѣхъ же носилкахъ, да и идти онъ не могъ,—избить было крѣпко. Потомъ посадили его въ карцеръ; въ ручныя и ножныя кандалы заковали, на хлѣбъ и воду.

— Однако, онъ полуумный, сумасшедшій какой-то, г. докторъ? Пожалуй, его и бить грѣшно?—прибавилъ разсказчикъ.

— Богъ его знаетъ, Иванъ Павловичъ, что это за человѣкъ, необходимо близко узнать его и тогда только

можно что-нибудь сказать,—да и то едва ли! Одно ясно: невѣроятное терпѣніе, гигантская сила воли и душевной энергіи... Что-то въ немъ сидитъ свое, не чужое, собственной душевной выработки, за что онъ готовъ на истязанія, на смерть... А какъ съ нимъ каторга?

— Каторга? Богъ ее знаетъ! Тоже и ту не скоро разберешь... Слышалъ я: деньги ему даютъ на храненіе, у кого есть лишній грошъ,—не украдетъ! Смирный, говорятъ,—не ругается, въ драку не лѣзетъ... Все молчитъ больше... Обувь почииваетъ кому надобность; денегъ не беретъ... Въ карты не играетъ, водки не пьетъ... Каторгѣ что? Ей любо, что нашелся человѣкъ, котораго начальство сломить не можетъ; это тоже чего-нибудь значить... «Не нашъ» онъ,—говорятъ про него...

— Не сердились, не ругались, что заставилъ нести себя на носилкахъ?

— На битаго каторга не сердится, г-нъ докторъ! Всѣ битые; а кто не былъ битъ,—побьютъ!.. Несуразный человѣкъ этотъ Рожковъ да и только. Двадцать лѣтъ я съ каторгой служу, а такого не видывалъ и не слыхивалъ... Въ лазаретѣ за два года былъ одинъ разъ; больше въ карцерѣ отлеживается...

— Анафема, а не человѣкъ! вотъ кто этотъ «не нашъ»,—говорилъ про него смотритель верхней тюрьмы, Одинцовъ.—Надоѣлъ онъ намъ за эти три года, а все живъ,—не околѣваетъ! Не развяжетъ рукъ... Чортъ ему помогаетъ, должно быть,—не Богъ же далъ это дьявольское, невѣроятное терпѣніе... Издѣвается, анафема! Стоитъ передъ тобой, какъ

истуканъ; глазища свои огромные, черные, уставить; въ упоръ смотреть, какъ изъ-подъ земли смотреть: неловко подчасъ становится. Изъ терпѣнія выведетъ своими дурацкими отвѣтами: «работа не моя, твоя; тебѣ надо—ты и работай!»—Ну, въ зубы ему и закатай. Кровь льется, а онъ все смотреть и смотреть, какъ выходецъ съ того свѣта! Подлинный выходецъ!..

— Смирный какой-то, по своему, — рассказывалъ смотритель средней тюрьмы.—Другой на его мѣстѣ и ножомъ бы пырнулъ,—бывало и это! За глотку зубами бы схватилъ, а этотъ только глазищами ворочаетъ, молчить и смотреть... Знаете, докторъ, чего онъ поговариваетъ? Ты ему говоришь: «тебя казна кормить, обуваетъ, одѣваетъ и ты долженъ за это работать, казенный хлѣбъ отрабатывать!» А онъ:—Казна не моя, а твоя... Она сама по себѣ, я самъ по себѣ,—какое мнѣ до нея дѣло? За что вы засадили и бьете меня? Я не укралъ, не убилъ, не ограбилъ, не обманывалъ, не мошенничалъ... Я самъ по себѣ, а ты самъ по себѣ... Выпусти! Я прокормлю себя, воровать не буду... Все здѣсь ваше, а не мое: вамъ оно нужно, мнѣ его не надо... Что не мое, то я дѣлать не буду... Ты самъ по себѣ, я самъ по себѣ, всѣ мы сами по себѣ...—Вотъ и потолкуй съ этимъ «не нашимъ», —разведешь руками, плюнешь, да и отойдешь. Онъ, этотъ Рожковъ, и вправду пришелъ за бродяжество: съ поселенія, въ Иркутской губерніи, бѣгалъ три раза и угодилъ на пять лѣтъ въ каторгу. Откуда онъ раньше явился на поселеніе,—не знаю. Его прозвали «не нашимъ», потому все говоритъ «не наше», «не мое», «твое»... Каторга считаетъ его, пожалуй, тоже не своимъ,

«не нашимъ», не подходящимъ, полуумнымъ, — а уважаетъ.

Егоръ Рожковъ прибылъ на Кару въ 1869 г., съ арестантской партіей въ числѣ 320 человекъ.

Управленіемъ нерчинскими ссыльно-каторжными наряжена была обычная въ такихъ случаяхъ коммисія изъ дѣлопроизводителя управленія, карійскаго полицеймейстера, врача и смотрителя пересыльной тюрьмы, для приѣма партіи. Приѣмъ всякой вновь приходящей партіи каторжныхъ состоялъ: 1) въ детальной провѣркѣ казенной одежды, обуви, кандаловъ, подкандалниковъ и т. д., числящихся на каждомъ пришедшемъ; повѣркѣ сроковъ выдачи, по особымъ спискамъ, прилагавшимся присутственными мѣстами, гдѣ производилась въ дорогѣ выдача, къ статейному списку; 2) медицинскаго осмотра для распредѣленія по работамъ, по состоянію здоровья, и выдѣленія больныхъ, для излѣченія, въ лазаретъ; 3) выборъ ремесленниковъ, мастеровъ, сапожниковъ, кузнецовъ и т. д., для работъ въ различныхъ мастерскихъ, и 4) распредѣленіе по разрядамъ сроковъ каторжныхъ: безсрочныхъ, долгосрочныхъ, малосрочныхъ — для разселенія ихъ по тюрьмамъ каторги.

Въ лѣтнее время приѣмъ партіи производился внѣ тюремнаго зданія, даже внѣ тюремной ограды, по близости тюремныхъ воротъ, на площадкѣ, во избѣжаніе смѣны одежды между пришедшими и содержащимися въ тюрьмѣ. Вызывали по списку, по очереди. Вызываемый подходилъ къ столу, за которымъ засѣдала коммисія, нагруженный своими вещами и, подходя, обязательно снималъ шапку.

— Егоръ Рожковъ!—выкликнули по списку.

Отдѣлился изъ толпы каторжный, выше средняго роста, лѣтъ сорока пяти-семи, съ черными, ввалившимися въ орбиты, глазами, черной окладистой бородой и усами; сухощавый, костистый, съ впалыми щеками и немного рябоватый. Подошелъ Рожковъ близко къ столу, а шапки не снялъ.

— Шапку долой, мерзавецъ!—закричалъ на него полицеймейстеръ.

— Шапка не твоя, а моя,—ровнымъ, довольно громкимъ голосомъ заговорилъ Рожковъ,—ты хочешь снимать свою, а я своей не сниму!

Полицеймейстеръ поблѣднѣлъ; каторжная партія притихла, какъ мертвая.

— Что-о-о? Что-о-о ты сказалъ, мерзавецъ? Повтори-ка!—вставая со стула, загремѣлъ полицеймейстеръ.

— Шапка не твоя, а моя; ты хочешь—снимай свою, а я своей не сниму!—тѣмъ же ровнымъ, громкимъ голосомъ проговорилъ Рожковъ.

Ударъ кулакомъ по лицу свалилъ Рожкова на землю, его лицо залилось кровью. Взбѣсившійся полицеймейстеръ билъ лежачаго, пиналъ, ругался скверными словами.

— Розогъ! розогъ!—кричалъ онъ неистово, — я покажу тебѣ раз... сынъ, что значить каторга...

Розги явились и началась жесточайшая норка... Къ изумленію всѣхъ, истязуемый не просилъ милосердія, не молилъ о пощадѣ.

— Пей мою кровь, кровопивецъ, пей! Придетъ и на тебя время, издохнешь, собака,—выговаривалъ, сквозь прорывавшіеся стоны, Рожковъ.

Истерзаннаго, за-мертво, его бросили въ темный карцеръ пересыльной тюрьмы.

— Припомню я ему дерзости,—говорилъ полицеймейстеръ взволнованнымъ голосомъ.—Ему предстоитъ еще получить двадцать плетей, за побѣги съ поселенія; приговоръ долженъ исполняться здѣсь, на каторгѣ, вотъ и бумага объ исполненіи въ его статейный списокъ вложена...

— Я ему припомню! плеть не розга, закашляеть со всѣхъ сторонъ...—кричалъ полицеймейстеръ, не стѣсняясь партіи въ 320 человѣкъ и конвоя...

— Терпѣливъ, анаѰема, къ розгамъ. Посмотримъ, что-то запоеть подѣ плетми.

Въ статейномъ спискѣ Рожкова, дѣйствительно, было обозначено: за третій побѣгъ съ поселенія изъ Иркутской губерніи приговаривается къ пяти годамъ каторжной работы и двадцати ударамъ плетми.

Донесли по начальству о дерзости, нанесенной полицеймейстеру каторжнымъ Рожковымъ, при исполненіи служебныхъ обязанностей. Вышла резолюція: оставить въ карцерѣ, на хлѣбѣ и водѣ. По приведеніи приговора въ исполненіе зачислить въ верхне-карійскую тюрьму, съ неустаннымъ употребленіемъ въ земляныя работы и ни въ какомъ случаѣ не оставлять на каторжныя (т. е. не назначать на работы, необходимыя въ самой тюрьмѣ: каморный староста, банщикъ, хлѣбопекъ, парашникъ и т. д.).

Вѣсть о Рожковѣ разнесла по тюрьмамъ та же партія, въ которой онъ пришелъ на Кару. Задѣлъ за живое

дерзкій поступокъ и всю чиновную братію, привыкшую къ раболѣпству и полной покорности каторги. Явилось что-то новое, дикое, небывалое, неслыханное.

— Усмирится! Послѣ первыхъ плетей усмирится! За версту шапку будетъ ломать, поклоны отвѣшивать... Такихъ-ли каторга усмиряла... разбойниковъ изъ разбойниковъ, душегубовъ... А этотъ кто? Бродяга какой-то! побродяжка! тьфу!

Въ дико-пьяной чиновничьей жизни Рожковъ составлялъ событіе. Канцелярскіе служители, до чина губернскаго секретаря (высшій чинъ старшаго по службѣ, заурядъ хорунжіе, заурядъ сотники изъ писарей), состоявшіе на гражданской службѣ, чувствовали себя обиженными небывалою дерзостью.

Три недѣли, закованный по рукамъ и ногамъ, пролежалъ Рожковъ въ темномъ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ; въ лазаретъ его не клали, а ходилъ къ нему въ карцеръ, для подачи помощи, фельдшеръ Иванъ Павловичъ.

— Я присутствовалъ при исполненіи приговора, — рассказывалъ Иванъ Павловичъ. — Арестанты — вся тюрьма — были выгнаны въ ограду въ качествѣ зрителей — для устрашенія!

Собралось начальство; полицеймейстеръ, смотритель, много чиновниковъ пришло, просто полюбопытствовать, чуть не всѣ собрались. Разговариваютъ другъ съ другомъ, папиросы курятъ... пересмѣиваются... Конвой тутъ съ ружьями, палачъ въ сторонѣ, скамейка поставлена по срединѣ ограды, наклонно къ землѣ... Всѣ ждутъ...

ѣсть! Кажется, не принеси ему обѣда, или ужина цѣлую недѣлю,—просить не будетъ. Поправляться началъ; похаживать по палатѣ,—все равно! одинаковъ... Бывало,—смотришь въ дверное окошечко, что онъ дѣлаетъ? Все равно: лежитъ, или похаживаетъ. Больнымъ, товарищамъ, отвѣчаетъ, разговариваетъ; но его, видимо, сторонилась и своя-то братія! «Съ чортомъ что-ли онъ знается»,—думали про него и... сторонились... Ухаживать за нимъ ухаживали больные арестанты: они всегда за наказаннымъ ухаживаютъ, если могутъ, конечно. Отлежался; на выписку просится, «мѣсто другому надо опростать,—будетъ!» Такъ и выписался... Потомъ Рожковъ пошелъ по мытарствамъ, изъ тюрьмы въ тюрьму переводили. Сначала въ верхнюю тюрьму опредѣлили, къ самому Одинцову:—усмирить! вышколить!.. Ничего поддѣлать не могъ,—а ужъ онъ ли не старался! Плетей, розги, карцеръ, холодъ, голодъ,—все испробовалъ!..

— Работа не моя, твоя; хочешь ты—работай, а мнѣ она не нужна!—Обидно и смотрителю: всѣ слушаются, всѣ боятся; взгляда одного боятся! а тутъ какой-то бродяга знать ничего не хочетъ, да еще «кровопивцемъ» обзывается при всѣхъ. Пробовалъ полковникъ З—нъ и теперешній завѣдующій, Марковъ, своей властью (имъ разрѣшено до двадцати плетей назначать своею властью)—бить его, неоднократно,—ничего не поддѣлали! Все ту же пѣсню поетъ и завѣдующему: «Работа не моя, твоя!» Богъ его знаетъ, какъ онъ живъ по сіе время... Теперь больше въ карцерахъ сидитъ, на хлѣбѣ и водѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ... Въ новой тюрьмѣ, у смотрителя

Ладыгина, шестой мѣсяць въ карцерѣ запертъ; такъ и сидитъ по сіе время.

Съ понятнымъ любопытствомъ, а еще болѣе съ невольнымъ, въ душѣ, уваженіемъ къ невѣроятной выносливости, желѣзной, непреклонной, гигантской волѣ, — въ силу какихъ-то сложившихся вѣрованій и убѣжденій о «вашей» и «нашей» работѣ, — неизвѣстнаго каторжнаго, подѣзжали мы съ Иваномъ Павловичемъ, на казенной телѣжкѣ къ новой тюрьмѣ». Наканунѣ, по донесеніи смотрителя Ладыгина управленію ссыльно-каторжными о тяжелой, опасной болѣзни Егора Рожкова, я получилъ предписаніе: «осмотрѣть и, если необходимо будетъ, положить его въ лазаретъ на излѣченіе». Въ первые мѣсяцы жизни на Карѣ, пока я не зналъ тюремныхъ порядковъ и обычаевъ, Иванъ Павловичъ былъ постояннымъ моимъ спутникомъ во всѣхъ служебныхъ поѣздкахъ по каторгѣ, разбросанной на 30-верстномъ протяженіи по р. Карѣ. Безхитростные рассказы его о прошлой и настоящей карійской жизни, о каторжныхъ, администраціи, горномъ вѣдомствѣ и т. д. были не только занимательны, но и поучительны для меня... Человѣкъ онъ былъ простой, безъ всякаго почти общаго образованія, съ доброй и открытой душой. Нерѣдко онъ «зашибалъ», т. е. запивалъ дня на два, на три, самое большое на четыре. Зашибали и всѣ остальные фельдшера лазарета; грѣшный человѣкъ! — зашибалъ и я первые восемь мѣсяцевъ пребыванія на Карѣ... Слишкомъ была необычна и тяжела окружающая обстановка и больно претило обязательное присутствіе, какъ врача, при кровавыхъ расправахъ съ

каторжными по рѣшенію судовъ, а то и просто безъ рѣшенія, по единоличному назначенію завѣдывающаго нерчинскими ссыльно-каторжными—«не болѣе двадцати ударовъ плетью»... Можетъ быть, судьба и проститъ мнѣ, да и моимъ сослуживцамъ, фельдшерамъ, «зашибаніе» — за тѣ муки совѣсти, которыя приходилось испытывать при каждой кровавой расправѣ!

— Вотъ и увидите, г-нъ докторъ, Егора Рожкова, о которомъ все меня спрашивали,—заговорилъ по дорогѣ Иванъ Павловичъ,—каково-то онъ выглядитъ? Кажется, мѣсяцевъ шесть, если не больше, сидитъ онъ въ одиночкѣ, на хлѣбѣ и водѣ, да, пожалуй, и закованный по рукамъ и ногамъ... Просидѣть долгое время въ карцерѣ—добрыхъ плетей стоитъ!

— Да, интересный человѣкъ этотъ «не нашъ»...

— Увидите сами и узнаете, что въ немъ интереснаго...

Черезъ три четверти часа, мы подъѣхали къ громадному тюремному зданію новой (нижней) тюрьмы. Тюрьма стояла одиноко, безъ какихъ либо жилыхъ домовъ въ окрестности,—между Нижней Карой и Усть-Карой,—въ 5-ти верстахъ отъ первой и 10-ти отъ послѣдней... Тюрьма была построена, сравнительно, недавно; лѣтъ десять—двѣнадцать и по новому типу. Фронтъ ея съ окнами, съ желѣзными въ нихъ рѣшетками выходилъ не въ ограду, а на улицу. Тюремная ограда начиналась отъ крайнихъ ея угловъ и огораживала только заднюю ея часть, а не все зданіе. Въ тюремной оградѣ находились арестантская кухня и баня. Съ лѣвой стороны ограды, саженой на 15—20 отъ нея стоялъ одноэтажный домъ, на двѣ половины, съ

вольно бойкая, очень разбитная и симпатичная женщина; дѣтей у нихъ не было.

По какимъ-то соображеніямъ тюремной администраціи, Срублезову, во все время его пребыванія въ каторгѣ (третій годъ), свиданія съ женой не разрѣшались. Всѣмъ пришедшимъ добровольно за мужьями женамъ свиданія были разрѣшены, а Срублезовъ, по всей вѣроятности, какъ тяжкій и опасный преступникъ, былъ лишенъ этой льготы.

Всѣ эти подробности я узналъ уже послѣ, спустя довольно продолжительное время.

Каторжный карійскій лазаретъ былъ та же тюрьма: въ окнахъ—желѣзныя рѣшетки, постоянные часовые, съ заряженными ружьями, передъ переднимъ и заднимъ фасадомъ (наружные) и два внутреннихъ, у двухъ входныхъ дверей корридора, раздѣлявшаго, по длинѣ, зданіе на двѣ равныя половины. Суточный караулъ изъ 16-ти пѣшихъ казаковъ забайкальскаго войска, подъ начальствомъ урядника, приказнаго, — онъ же и караульный начальникъ,—смѣнялся въ 8 часовъ утра. Караулъ располагался въ срединѣ лазаретнаго зданія, въ помѣщеніи, огороженномъ тремя стѣнами, изъ которыхъ передняя, съ однимъ окномъ, выходила наружу.

Пространство къ продольному корридору не было огорожено и составляло какъ-бы боковое его продолженіе. Единственное окно караульнаго помѣщенія въ достаточной степени освѣщало его, но почти не освѣщало корридора. Двери лазаретныхъ палатъ, выходившія въ корридоръ, были постоянно закрыты, а небольшія око-

шечки въ этихъ дверяхъ, назначенныя для наблюденія за больными, тоже мало давали свѣта, и въ корридорѣ стоялъ полумракъ.

Служилые, пѣшіе, казаки до 1878 г. несли одногочинную службу: каждое первое января старый составъ сводно-карійскаго баталіона смѣнялся полностью на вновь прибывшихъ и являлся вновь на службу черезъ два года. Составъ офицеровъ своднаго баталіона, охранявшаго каторгу, былъ далеко не изъ лучшихъ. Выгнанные и не терпимые на службѣ въ россійскихъ полкахъ и баталіонахъ, не терпимые даже въ воинскихъ частяхъ областного города, они посылались въ каторжный баталіонъ, какъ въ послѣднее возможное для нихъ служебное мѣсто. И творили же они тамъ, Боже мой, что творили: заѣхать въ храмъ пьяному верхомъ на лошади, во время церковной службы; надругаться надъ каторжной женщиной; подратъся за картами; избить товарища-офицера, плюнуть ему въ лицо, дать пощечину, валяться пьяному на улицѣ; допиться до бѣлой горячки и быть привезеннымъ въ лазаретъ со связанными руками,—все это считалось почти обычнымъ.

Кромѣ этихъ дѣйствительныхъ офицеровъ, служили и такъ называемые заурядъ-офицеры, заурядъ-хорунжіе, заурядъ-сотники,—эти больше по гражданской части. Малограмотные, необразованные, произведенные въ заурядъ-офицеры изъ писарей войскового правленія, штаба, бригадъ, или изъ фельдфебелей и урядниковъ строевыхъ частей еще во время Муравьева, въ 50-хъ годахъ и въ началѣ 60-хъ, они значительно отличались отъ первыхъ.

Военные, правда, пили, безобразничали и скандалили, но не воровали, не грабили, не изводили нижняго чина нападеніемъ на его «паекъ», а сплошь и рядомъ, въ пьяномъ видѣ, отдавали тѣмъ же нижнимъ чинамъ свои послѣднія деньги и не давали ихъ въ несправедливую обиду, — стояли за нихъ горой.

Вторые тоже пили, безобразничали, скандалили, но жали своего брата-казака, сосали его, какъ паукъ сосетъ попавшую въ тенета муху. Помаленьку да потихоньку они обрабатывали свои дѣлишки по обиранію нижняго чина и каторжнаго и нерѣдко входили въ сдѣлку съ вольными каторжными по скупкѣ золота, арестантскихъ казенныхъ вещей (полушубковъ, шинелей и т. д.); продавали контрабандой водку и добывали «изрядную копейку». Лучше ихъ никто не составлялъ авансовыхъ счетовъ по расходамъ казенныхъ денегъ на разныя заготовленія, безъ всякаго теоретическаго обученія простой или итальянской бухгалтеріи. Вообще въ 1872—1873 гг. на каторгѣ была форменная всеобщая уголовщина!

Черезъ недѣлю пребыванія Срублевова въ лазаретѣ вскрытыя нарывы ладони и колѣна стали подживать и давали ему возможность свободно ходить по палатѣ. Самъ онъ чувствовалъ себя отлично. При ежедневныхъ осмотрахъ и перевязкѣ онъ отвѣчалъ бойко, охотно, даже предупредительно. Лишь только я подходилъ къ его кровати, Срублевова уже предупреждалъ мои вопросы:

— Повязка мало промокла, г-нъ докторъ; ногѣ и рукѣ не больно; двигаю ногой свободно. Тѣмъ, сплю хорошо...

При этомъ мнѣ все казалось, что, щуря свои глаза, предупреждая вопросъ о болѣзни, снѣ и аппетитѣ, онъ присматривается, прислушивается къ моимъ дѣйствіямъ, разговорамъ и бесѣдамъ съ больными. Большинство находившихся въ лазаретѣ каторжныхъ обыкновенно просили прибавки: булки, водки, курительнаго табаку и т. д. Срублецовъ прибавокъ не просилъ, довольствовался назначаемой ему первой ординарной порціей: двумя фунтами яричнаго хлѣба, фунтомъ мяса во щахъ или супѣ и кружкой квасу.

— Какъ поживаешь, Срублецовъ? Каково поправляешься?—спрашивалъ я.

— Благодаримъ Бога, поправляемся. Дѣло у насъ идетъ на поправку!—и всегда онъ отвѣчалъ во множественномъ числѣ...—Мы, пожалуй, скоро и на выписку приготовимся.

По тюремнымъ и лазаретно-тюремнымъ правиламъ полагалось, при обходѣ тюрьмы или лазарета кѣмъ-либо изъ начальствующихъ лицъ, брать съ собою, изъ свободныхъ нижнихъ чиновъ караула, двухъ, трехъ конвоировъ съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками, для охраны безопасности посѣтителя. Въ глазахъ каторжныхъ конвой понимался, какъ начальническая трусость, и вызывалъ нелестные отзывы.

— А еще—генералъ! полковникъ! Военный, кажись, человѣкъ, а боится нашего брата. Что мы, собаки что ли, чтобы накидываться на всякаго прохожаго? Эхъ ты, горе, а не жизнь, проклятая!..

Самъ лично я входилъ въ палаты вечеромъ одинъ, а при утреннемъ осмотрѣ больныхъ—съ фельдшеромъ той

палаты, которой онъ завѣдывалъ, и лазаретнымъ старостой Петромъ (изъ вольныхъ каторжныхъ). Палатный фельдшеръ—съ бумагой для записыванія рецептовъ, назначеній, перемѣнъ, и староста Петръ—съ намоченнымъ полотенцемъ черезъ плечо.

Подобный обычай привился какъ-то самъ собою. Не приходило въ голову опасенія, что вотъ-вотъ кто-нибудь ударитъ ножомъ ни за что, ни про что.

Конвоиры и караульный начальникъ явились сопровождать меня въ первый-же день моего вступленія въ должность врача карійскаго лазарета, но я попросилъ ихъ возвратиться въ караульное помѣщеніе: этотъ конвой съ ружьями и караульный начальникъ съ пистолетомъ въ кобурѣ у пояса—прямо стѣсняли меня при откровенныхъ разспросахъ больного, да и больные, видимо, стѣснялись... Не было въ этомъ, съ моей стороны, ни молодечества, ни храбрости,—простое, обычное дѣло человѣка, посѣщавшаго больныхъ людей.

22 іюня 1872 г. утренній обходъ больныхъ, пріемъ приходящихъ изъ тюремъ и т. д. прошелъ заведеннымъ порядкомъ. Срублевовъ только менѣ предупредительно отвѣчалъ на вопросы и, видимо, былъ не въ обычномъ настроеніи; я не обратилъ на него особаго вниманія: мало ли отъ чего бываетъ человѣкъ не въ своей, какъ говорится, тарелкѣ.

Около 9-ти часовъ вечера, съ дежурнымъ фельдшеромъ Иваномъ Павловичемъ, мы обошли палаты и послѣ обхода прошли въ квартиру аптечнаго фельдшера, Александра Васильевича Шотена.

Аптека отстояла отъ зданія лазарета саженьяхъ въ восьми и была соединена съ главнымъ зданіемъ не закрытымъ съ боковъ корридоромъ, но съ крышей и поломъ на одинаковомъ уровнѣ съ лазаретнымъ зданіемъ. Лазаретный корридоръ оканчивался у двери, ведущей въ сѣни, гдѣ было три двери: въ аптеку, въ лазаретъ и въ отхожее мѣсто. Часовой стоялъ въ этихъ сѣняхъ у дверей, ведущихъ къ аптекѣ.

На противоположномъ концѣ корридора, у главнаго входа, часовой стоялъ въ корридорѣ у самой двери, съ правой стороны. Видѣть другъ друга часовые не могли, да и тутъ было очень темно.

Черезъ полчаса пребыванія у Шотена я возвращался одинъ, направляясь по корридору къ своей квартирѣ; Иванъ Павловичъ остался посидѣть у Шотена.

— Ваше благородіе! Ваше благородіе! Господинъ докторъ! Позвольте слово сказать, — окликнулъ меня кто-то негромкимъ голосомъ. Я вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Что тебѣ нужно?.. А, это ты, Срублецовъ! что скажешь, братецъ? Испугалъ меня своимъ шопотомъ и нечаянностью...

— Ваше благородіе, господинъ докторъ, смилуйтесь! — началъ онъ торопливо, скороговоркой, глядя въ мое лицо моргающими глазами; онъ былъ очень возбужденъ и взволнованъ. — Не обезсудьте! Дайте возможность повидаться, истомился... мочи нѣтъ... Христа ради!

— Чѣмъ истомился? Отъ чего мочи нѣтъ? Ничего, братъ, не понимаю... Заболѣлъ опять, что ли?

— Никакъ нѣтъ, здоровъ... истомился! моченьки нѣтъ! Христа ради...

— Да въ чемъ же дѣло? Говори, пожалуйста, толкомъ!

— Разрѣшите съ женой повидаться!—выговорилъ онъ полушопотомъ.—Истомился, моченьки нѣтъ,—хоть руки на себя накладывай... Помилосердуйте!

— Что ты, что ты? Богъ съ тобой, Срублецовъ! Что ты говоришь? Что же я сдѣлаю? Сюда, въ лазаретъ, ея не пустять,—есть запрещеніе: свиданья тебѣ съ ней не дозволены... Что же я-то тутъ подѣлаю?

— Г-нъ докторъ!—повторялъ онъ въ сильномъ волненіи.—Не обезсудьте! Помогите! мочи моей нѣтъ... зарѣзаться въ пору! Помилосердуйте.

— Да пойми ты, чудакъ: не отъ меня зависитъ. Радъ бы душой, да не моя воля... Вѣрно тебѣ говорю: ничего не могу сдѣлать.

— Дайте записку караульному начальнику: онъ выпустить! Повидаюсь... вернусь, безпремѣнно вернусь... къ утру... къ смѣнѣ караула: вѣкъ не забуду! Помилосердуйте!—Послышались сдержанные, глухія рыданія...

Жгучее чувство боли охватило меня. Это была какая-то особенная жалость, точно къ ребенку, рыдающему о потерянной навсегда матери... забылось теперь это сложное чувство въ полномъ его объемѣ,—давно это было!

Кончилось тѣмъ, что мы съ Срублецовымъ зашли въ пріемную комнату, и я написалъ записку такого содержанія: «Лазаретному караульному начальству. Больному каторжному Срублецову разрѣшается выходъ изъ лазарета до 7-ми часовъ утра завтрашняго дня».

— Бери записку, Срублецовъ, и къ сроку явись!

— Безпремѣнно явлюсь! Что вы? Что вы? Будьте не сумнительны... вѣрьте слову...

Совершенно стемнѣло; было часовъ десять съ половиной вечера; я сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ за поданнымъ на столъ самоваромъ и наслаждался чаепитіемъ. Вдругъ входитъ ко мнѣ, или, вѣрнѣе, вбѣгаетъ Иванъ Павловичъ, озабоченный, взволнованный и блѣдный.

— Что новаго, добрыйшій Иванъ Павловичъ? Не желаете ли чаю?—спросилъ я.

— Новаго-то ничего... А вотъ, что вы надѣлали, г-нъ докторъ?

— Какъ, что надѣлалъ? Ничего я не надѣлалъ... Что вы это, Иванъ Павловичъ?..

— А Срублева зачѣмъ выпустили? И себѣ вы этимъ бѣду надѣлали, да и караульнаго начальника подвели,—пожалуй, въ ту же каторгу угодить... Срублевовъ вѣдь безсрочный, прикованный къ телѣжкѣ, а вы его на волю выпустили... Съ женой повидаться! Покажетъ онъ вамъ теперь жену; подѣ судъ угодите... Караульному начальнику, тому совсѣмъ бѣда! Двадцать лѣтъ служу въ каторгѣ, такого происшествія не слыхивалъ...

— Да полно же, Иванъ Павловичъ, успокойтесь! Срублевовъ далъ слово вернуться къ смѣнѣ утренняго караула.

— Далъ слово! далъ слово! Надѣйтесь на его слово! Дуракъ караульный начальникъ, что послушалъ васъ,—выпустилъ по вашей запискѣ... Не имѣлъ никакого права слушаться... Вѣдь онъ отвѣчаетъ больше всѣхъ, просто сказать, головой отвѣчаетъ... Эхъ, я-то дуракъ,—засидѣлся у Шотена; не допустилъ бы я этого! Срублеву только и

надо было вырваться на волю. Жену повидать! дурака нашли! знаю я ихъ! Ищите теперь вѣтра въ полѣ,—свою голову подставляйте... Въ тайгѣ теперь вашъ Срублевовъ, посвистываетъ да посмѣивается надъ вашей простотой.

У меня екнуло сердце не на шутку... «Вотъ и дослужился!» промелькнуло въ головѣ.

— Иванъ Павловичъ, будьте добры, позовите караульнаго начальника,—сказалъ я.

Явился пожилой человѣкъ, съ добродушнѣйшимъ крестьянскимъ лицомъ, съ обритой бородой, въ сѣрой военной шинели и съ пистолетомъ въ кобурѣ у форменнаго пояса (револьверовъ, берданокъ, на Карѣ тогда и въ поминѣ не было: это новѣйшее оружіе появилось съ 1878 г.).

— Здорово!

— Здравія желаю, ваше благородіе!

— Срублева выпустилъ?

— Такъ точно, ваше благородіе, по вашей запискѣ—исполнилъ...

— Такъ то оно такъ... Спасибо! А вотъ Иванъ Павловичъ, послушай-ка, что говоритъ: намъ съ тобой обоимъ плохо придется за это, а тебѣ больше всего...

— Не могу знать! По вашему приказанію,—вотъ записка...

По разъясненіи дѣла и всѣхъ обстоятельствъ, старый служака испугался не на шутку.

— Жена, дѣтки есть... малыя... пропаль теперь... бѣда мнѣ... совсѣмъ пропаль...

И онъ горько заплакалъ. Жутко мнѣ было видѣть плачущаго, по моей винѣ, пожилого человѣка.

— Вотъ что, вояка, — сказалъ я, — слезами теперь горю не поможешь... попали мы, вѣроятно, съ тобой въ бѣду... Я, конечно, виновать во всемъ, подвелъ и тебя, и себя подвелъ... Прости меня! Пока еще рано могилу копать; подождемъ утра: не вернется Срублевовъ, тогда я самъ донесу на себя и заявлю, что я виновать во всемъ.. Тамъ, что будетъ! А пока иди и ни кому ни гу-гу! слышишь?

— Слушаю, ваше благородіе! Пропалъ, видно, я, пропали дѣтушки! — слезы градомъ текли по его добродушному лицу.

— Иди! иди съ Богомъ! Не хнычь! завтра увидимъ...

Памятна для меня эта іюньская ночь 1872 г. Не то, чтобы я боялся за собственную шкуру или служебную карьеру: какая забота о собственной шкурѣ могла быть у 26-тилѣтняго студента шестидесятихъ годовъ, а тѣмъ болѣе, — какая забота о карьерѣ?

Жаль было не себя, а простоватаго, добродушнаго служаку, караульнаго начальника, который, по невѣдѣнію службы и точному исполненію приказанія все-таки «его благородія», совершилъ преступленіе противъ устава гарнизонной, караульной службы, безпощадно караемое воинскими законами.

Меня мучила совѣсть... Я подвелъ неповиннаго человека! Онъ можетъ угодить на каторгу, а ужъ въ арестантскія исправительныя роты непременно. А у него жена, дѣти, хозяйство, родныя мѣста...

Я прилежъ на кровать: картины прошлаго, студенческой жизни, споровъ о братствѣ людей, о пользѣ на-

роду, о работѣ, работѣ безъ конца,—мелькали въ головѣ. Ярко, воочію, проходили въ воображеніи пять лѣтъ пребыванія въ Академіи, а тутъ подъ самымъ окномъ, отъ времени до времени раздавалось громкое, протяжное, тоскливое «слуш-а-а-й!»

Было около часа ночи; мнѣ стало нестерпимо одному и я попросилъ къ себѣ изъ лазарета Ивана Павловича.

— Посидите со мной, добрыйшій Иванъ Павловичъ, а то и ночуйте здѣсь: лазаретъ близехонько, что случится или приведутъ больного, вмѣстѣ сходимъ...

— Извольте, г-нъ докторъ, съ большимъ удовольствіемъ, лазаретъ—близехонько!—отвѣтилъ добрякъ, располагаясь въ моей комнатѣ.

— Такъ, по вашему, не вернется Срублецовъ?

— Не вернется, г-нъ докторъ! За это можно поручиться. Подумать только: безсрочный онъ, телѣжникъ; тоже надоѣло таскать за собою прикованную обузу... Да и случай выпалъ отличнѣйшій... Въ каторгѣ ему быть еще чуть не двадцать лѣтъ... А тутъ: вырвался изъ-подъ замка, отъ кандаловъ и телѣжки избавился и—валяя на всѣ четыре стороны!.. По Бушелею дорога извѣстная, прямая, тайгой непроглядной! Разбойники вѣдь они, убійцы, варнаки,—каторга, чего и говорить! Двадцать лѣтъ служу съ ними, знаю достаточно!..

— Да, — продолжалъ онъ, отдаваясь воспоминаніямъ,—при Разгильдѣевѣ еще служилъ! Мальчишкой поступилъ въ лазаретъ, для обученія. Господи помилуй! Вотъ были времена! Каторгу пороли, горныхъ служителей пороли, насъ служащихъ,—мелкоту, пороли,—всѣхъ

пороли! Съ палачомъ Оомкой на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, Разгильдѣевъ разѣзжалъ по промысламъ и по каторгѣ... Погоны срывалъ собственноручно. По скуламъ, бывало, лупить, лупить, только зубы трещать. Да что! Не одинъ Разгильдѣевъ, всѣ пороли, всѣ и всѣхъ били... Управляющіе, смотрителя, приставники, штегеря, вся эта горная братія—мертвымъ боемъ били... Вотъ тамъ, за купальней, ниже лазарета, особый разгильдѣевскій разрѣзъ велся, туда сотнями мертвыхъ складывали,—горячка была—такъ сотнями и мерли... Нынѣ куда лучше! Служащихъ, фельдшеровъ не бьютъ,—время отошло! Изводить изводятъ, а не бьютъ... Пожалуй, и безъ строгости опять нельзя, тоже каторга,—палецъ въ ротъ не клади... Да вотъ на-дняхъ, сказать кстати,—въ Верхней тюрьмѣ каторжному непомнящему, бродягѣ, рѣшеніе вышло: шестьдесятъ плетей... Васъ позовутъ всенепремѣнно. Вы еще этого не видали... Вотъ только, что завтра со Срублевымъ будетъ?.. Заварили вы кашу!

— Выпьемте, Иванъ Павловичъ!—сказалъ я.—Тамъ что будетъ, то будетъ! На все воля Божія... Подъ судъ, такъ подъ судъ... Мнѣ-то ничего. А вотъ старика, караульнаго начальника, жаль...

— Выпить можно, если позволите... И васъ, да и старика жаль,—дѣйствительно,—дѣти!

На столѣ появилась водка и кусокъ чернаго хлѣба съ солью. «Слу-ш-а-а-й!»—раздалось протяжно и громко у окошка.

— Здорово выкрикиваетъ!—сказалъ, улыбнувшись, Иванъ Павловичъ.

— Для чего это, Иванъ Павловичъ?—спросилъ я,—трудно больныхъ только беспокоятъ, подъ самыми окнами палатъ выкрикиваютъ...

— Такъ полагается, г-нъ докторъ,—веселѣе и часовымъ, когда перекликаются. Слышите? вонъ другой затащилъ отвѣтъ... «Слу-ш-а-а-й!»

Передъ утромъ свалился я на свою постель и уснулъ мертвымъ сномъ. Проснувшись, я тотчасъ взглянулъ на часы: половина девятого, караулъ смѣняется въ восемь,—а Срублецовъ?—точно кипяткомъ обдало меня это воспоминаніе. Сердце забило тревогу, мысли побѣжали одна за другой: вотъ! вотъ! Сейчасъ начнется тревога! переполохъ! нагрянетъ начальство, въ обычное время и носу не показывавшее въ лазаретъ, начнутся вопросы, допросы... Какъ? Почему? На какомъ основаніи? Какъ вы смѣли позволить? «нарушеніе», «преступленіе», «сообщничество»... Слѣдствіе, судъ... Холодный потъ проступилъ у меня по всему тѣлу...

Быстро соскочивъ съ кровати, я началъ будить Ивана Павловича, мирно спавшаго на полу, на постланной постели.

— Иванъ Павловичъ! Иванъ Павловичъ! вставайте, ради Бога. Восемь съ половиною часовъ, караулъ смѣнился!

Иванъ Павловичъ быстро вскочилъ на ноги и загоровилъ испуганно:

— Что? Что такое? Что случилось?

— Половина девятого; старый караулъ смѣнился... Гдѣ-то Срублецовъ?.. Узнайте, ради Бога.

— Хорошо, хорошо, сейчас! Сейчас узнаю!—онъ торопливо пригладилъ свои волосы ладонью и, такъ какъ спалъ, въ качествѣ дежурнаго, не раздѣваясь, то вышелъ быстро изъ комнаты.

Лазаретное зданіе находилось въ пяти-шести саженьяхъ отъ моей комнаты. Въ полуотворенную дверь я видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ лазаретныя двери, которыя сейчасъ-же закрылись за нимъ. Прошелъ въ лазаретъ староста Петръ, за нимъ человѣкъ шесть служителей на длинныхъ деревянныхъ доскахъ пронесли хлѣбныя порціи. Стояла обычная, полная тишина. Сердце у меня глухо колотилось, часто, усиленно, перебоями... Въ груди не хватало воздуха. Вотъ, вотъ, сейчасъ начнется,—думалось мнѣ.—«А, попался, голубчикъ! безсрочныхъ выпускать? Способствовать побѣгамъ, въ сдѣлки входить! Подъ судъ захотѣли»?.. Состояніе мое было близкое къ обмороку: я схватилъ стоявшій на столѣ графинъ и налилъ стаканъ водки, потомъ другой...

Иванъ Павловичъ не являлся, время тянулось безконечно.

Было болѣе половины десятаго, когда онъ, наконецъ, вошелъ въ мою комнату.

— Ну что? какъ? гдѣ Срублецовъ?—кинулся я къ нему съ разспросами.

— Все хорошо и благополучно, г-нъ докторъ!—отвѣтилъ онъ спокойно.—Срублецовъ давно пришелъ, явился раньше 8 часовъ, еще до смѣны... Сидитъ себѣ въ палатѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Чего ему

дѣется?—бывалый служака сообщилъ мнѣ все это равнодушнѣйшимъ тономъ.

— Такъ какъ-же вы цѣлый смертный часъ томили меня, Иванъ Павловичъ? Бога вы не боитесь!—крикнулъ я задыхающимся голосомъ.

— Да я... я... я, господинъ докторъ, перевязки дѣлалъ, требованія писалъ... думалъ: вернулся онъ, ладно. Чего же больше?

— Иванъ Павловичъ! голубчикъ! да вѣдь я... тутъ... смертный часъ провель!—И меня захватилъ истерическій припадокъ. Неудержимо полились слезы, судорожныя рыданія, всхлипыванія безъ конца. Иванъ Павловичъ, какъ столбъ, стоялъ передо мной, съ удивленнымъ, испуганнымъ лицомъ и растопыренными руками.

— Пришелъ!? Явился!? Ха! ха! ха! Срублецовъ—безсрочный, телѣжникъ, человѣкомъ оказался! ха! ха! Не обманулъ! Вернулся!—я обнялъ оторопѣвшаго окончательно Ивана Павловича и цѣловалъ его, цѣловалъ, судорожно рыдая...

Въ концѣ концовъ, расплакался и растерявшійся Иванъ Павловичъ.

Успокоившись, мы пошли въ лазаретъ и начался нашъ обычный трудовой день. Послѣ осмотра больныхъ въ палатахъ, я вызвалъ Срублецова въ пріемную комнату, гдѣ, кромѣ меня и дежурнаго фельдшера, никого не было. Срублецовъ вошелъ, какъ будто чувствуя себя виноватымъ въ чемъ-то: нерѣшительно и медленно подошелъ онъ къ столу, за которымъ я сидѣлъ.

— Спасибо тебѣ, Срублецовъ, за честно исполненное

слово! Русское тебѣ спасибо отъ меня! — сказалъ я и протянулъ ему руку. Каторжникъ отшатнулся: лицо его нервно подернуло, перекосило; онъ оглянулся, упалъ на колѣни, схватилъ обѣими руками мою протянутую руку и судорожно, торопливо сталъ цѣловать ее.

— Не надо! не надо! Что ты? Срублезовъ? оставь! — говорилъ я, но не могъ выдернуть у него своей руки, — спасибо тебѣ!!

— Бѣжать? отъ васъ?! обмануть? Никогда! Никогда! — бормоталъ онъ. — Понимаю вѣдь я, знаю... Безпомощный вы... простой... Воскресли... Зарѣзаться было въ пору... Воскресли... Не забуду!..

Черезъ два года Срублезовъ бѣжалъ изъ разрѣза съ земляныхъ работъ среди бѣлаго дня, «на ура», подъ градомъ выстрѣловъ караульной цѣпи, окружавшей разрѣзные работы Верхняго промысла, и съ тѣхъ поръ онъ уже въ каторгѣ не появлялся. Скрылась и его жена.

III.

Исполненіе судебного приговора.

Четыре мѣсяца прошло со дня прибытія моего на мѣсто врача Карійской каторги, и я начиналъ втягиваться въ исполненіе самыхъ разнообразныхъ порученій по своимъ разнообразнымъ должностямъ.

Въ одинъ изъ сентябрьскихъ вечеровъ мы мирно бе-

сѣдовали въ моей комнаткѣ-квартирѣ, рядомъ съ лазаретной кухней,—со старшимъ фельдшеромъ, Иваномъ Павловичемъ Меньшихъ, о прошломъ и настоящемъ невѣдомой еще для меня карійской жизни.

Во время нашего разговора въ мою комнату вошелъ сторожъ тюремнаго управленія, каторжный, разряда исправляющихся, и подаль запечатанный конвертъ за №. Расписавшись въ полученіи, я развернулъ бумагу и прочиталъ слѣдующее:

«Предписываю вашему благородію завтрашняго числа, въ 2 часа пополудни, присутствовать при наказаніи плетью, 60-ю ударами, каторжнаго, разряда испытуемыхъ, Верхне-Карійской тюрьмы, Ивана Непомнящаго, 57 лѣтъ отъ роду, судившагося за третій побѣгъ и кражу со взломомъ разнаго имущества у крестьянина Маликійской волости, Степана Терпугова. Наказаніе плетью Непомнящаго имѣетъ быть произведено въ паляхъ (оградѣ) Верхне-Карійской тюрьмы, подъ наблюденіемъ смотрителя оной тюрьмы, губернскаго секретаря Одинцова».

— Вотъ, Иванъ Павловичъ, бѣда, которой я не ожидалъ!—сказалъ я.—Что вы посоветуете мнѣ дѣлать? Не поѣду я смотрѣть, какъ будутъ полосовать чело-вѣка...

— Никакой бѣды нѣтъ, г-нъ докторъ,—отвѣтилъ бывалый Иванъ Павловичъ. — Дѣло это здѣсь обычное: службой прямо требуется присутствіе врача при наказаніи плетью... Непріятно-то оно, конечно... стонетъ чело-вѣкъ, бьется, надрываетъ душу дикими нечеловѣческими воплями... Молишь Бога, чтобы поскорѣе это кон-

чилось... Да что-же мы-то съ вами тутъ подѣлаемъ? Ъхать вамъ придется непремѣнно... А то вдругъ умереть онъ при наказаніи?—тогда-то вотъ настоящая вамъ бѣда и будетъ... При докторѣ умри хоть съ перваго удара—ничего, все законно! Да безъ васъ Одинцовъ и наказывать не станетъ, донесетъ завѣдующему ссыльно-каторжными... вы и такъ не въ особенной милости... А тутъ: «ослушаніе»... «неисполненіе»... «неповиновеніе»... Нѣтъ ужъ, какъ это можно—не ѣхать!

Я сидѣлъ молча, понутивъ голову; обрывки мыслей, воспоминаній, проносились въ головѣ. Не болѣе полуторахъ лѣтъ прошло со дня окончанія курса въ медико-хирургической академіи; неотвязно лѣзло въ голову то недавнее, свѣтлое прошлое, что называется студенческой семьей, да еще шестидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ! А настоящее?... Кандалы, полубритыя головы и необходимость присутствія при одномъ изъ жесточайшихъ и позорнѣйшихъ наказаній!..

— Да ужъ возьмите меня съ собой, г-нъ докторъ,—продолжалъ невозмутимо Иванъ Павловичъ.—Я ужъ все-таки обтерпѣлся. Нужно будетъ захватить свинцовой примочки, нашатырнаго спирта, компрессовъ...

— Свинцовой примочки? Для чего? — спросилъ я машинально.

— А какъ-же-съ? Раздуетъ вѣдь... почернѣетъ все... кровь сочится, вотъ увидите сами... Когда кончится наказаніе, мы обернемъ избитое мѣсто холодными, мокрыми свинцовыми компрессами, на телѣгу его, да и въ лазаретъ... я съ нимъ и поѣду!

На этомъ мы и разошлись, часовъ въ 11 вечера, съ Иваномъ Павловичемъ, рѣшивъ, что «обложимъ компрессами съ свинцовой примочкой и отвеземъ въ лазаретъ» сегодня еще здороваго человѣка.

Доводы Ивана Павловича были практичны: «служба», дѣйствительно, «прямо требовала» моего присутствія и участія въ предстоящемъ наказаніи, но жутко-щемящее чувство не покидало меня. Въ глубинѣ души росло ощущение ужаса, нравственной боли и отвращенія. Какъ отброшенный, забытый всѣми, ходилъ я изъ угла въ уголъ по своей неприглядной комнатѣ, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ (она была когда-то арестантскимъ родильнымъ покоемъ, переведеннымъ въ другое помѣщеніе); голова лихорадочно работала въ одномъ направленіи. Въ памяти вставала одна картина изъ временъ моего дѣтства.

Въ субботніе дни уроки въ пермской бурсѣ, гдѣ я учился, оканчивались въ 12 часовъ дня; послѣобѣденныхъ занятій не было (время, о которомъ вспоминаю, относится къ 1852 г.). Въ субботніе же дни, дни еженедѣльнаго торга (базара), совершалась торговая казнь на базарной городской площади, о чемъ бурса узнавала накануне, такъ какъ въ пятницу, на срединѣ площади, устраивался черный деревянный, квадратный эшафотъ. Торговая казнь совершалась обычно около 2 часовъ пополудни, и семинарское начальство не возбраняло своимъ питомцамъ разныхъ возрастовъ присутствовать при наказаніи плетью «грѣшниковъ», какъ называлъ ихъ народъ. На такую-то торговую казнь, съ пятью товарищами-бурсаками, попалъ однажды и я. Мы вышли изъ бурсы сей-

часть послѣ обѣда, около половины перваго, и бывалые ребята-товарищи повели меня на площадь, гдѣ стоялъ эшафотъ. Сотни людей разнаго пола и всѣхъ возрастовъ толпились около невиданной мною постройки. Аршина на два отъ земли поднимался выкрашенный черной краской, неправильный четырехугольный срубъ, съ поломъ наверху. По бокамъ, надъ помостомъ, торчали столбики, сквозь отверстія которыхъ продернута была въ двухъ мѣстахъ веревка, изображавшая ограду площадки; ограда оканчивалась у западной стороны свободнымъ, не огороженнымъ пространствомъ. Въ это свободное пространство упиралась, поставленная другимъ концомъ на землю, лѣсенка съ четырьмя ступенями. На противоположной сторонѣ отъ лѣсенки, на востокъ, на площадкѣ помоста возвышался кругловатый столбъ, аршина два съ половиной или три высотой, съ круглой маковкой на верху. На высотѣ человѣческаго роста въ столбъ вдѣланъ былъ желѣзный крюкъ, на которомъ висѣли двѣ цѣпи.

— Это позорный столбъ: къ нему приковываютъ «грѣшника» и читаютъ ему бумагу,—поучали меня бывалые товарищи.—По срединѣ эшафота лежитъ подъемная «кобыла», на нее палачъ привязываетъ его и бьетъ плетью...

— Айда, ребята, къ острогу! Тамъ увидимъ, какъ его повезутъ...—скомандоваль одинъ изъ бывалыхъ. «Ребята» припустили, что было духу. Дѣло было въ концѣ октября, снѣгу еще не было, но холодъ давалъ себя знать бурсакамъ, одѣтымъ въ тиковые халаты и обутымъ на босую ногу.

У окованныхъ желѣзомъ воротъ острога толпилось человѣкъ сорокъ зрителей: мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ. Человѣкъ двадцать солдатъ гарнизонной команды, съ ружьями на плечахъ, и штукъ восемь жандармовъ, на высокихъ рыжихъ лошадяхъ, были расположены по ту и другую сторону воротъ. Впереди шеренги стояли два солдатики съ барабанами у пояса, съ палочками въ рукахъ, положенными накрестъ на барабанѣ.

Въ толпѣ и среди солдатъ стояла поражающая тишина; изрѣдка кто-либо торопливо кашлялъ или сморкался, и тогда головы какъ бы невольно поворачивались къ нарушителю тишины. Тишина подѣйствовала и на насъ; мы присмирѣли и, подчиняясь вліянію толпы, упорно смотрѣли на запертыя ворота. Минуть черезъ десять напряженнаго ожиданія за воротами послышалось громаханье; медленно, со скрипомъ, ворота растворились на обѣ половины внутрь ограды, и показалась пара заморенныхъ клячъ, запряженныхъ въ дышло и тащившихъ за собою высокую черную, дребезжавшую, на четырехъ колесахъ, телѣгу. На козлахъ сидѣлъ возница, въ сѣромъ одѣяніи и сѣрой круглой шапкѣ. Позади возницы, на другомъ сидѣньи, значительно выше,—не менѣе аршина,—спиной къ лошадямъ, сидѣлъ мертвенно-блѣдный человѣкъ въ сѣромъ халатѣ и сѣромъ кругломъ малахаѣ (шапкѣ), съ болтающимися наушниками. Обѣ его руки, въ локтевыхъ суставахъ, были привязаны къ столбикамъ, торчавшимъ по бокамъ сидѣнья.

Помню и теперь его блѣдное лицо съ закрытыми глазами, русой, окладистой бородой, русыми мокрыми

усами. На груди его, на ремешкѣ черезъ шею, висѣла квадратная черная дощечка съ надписью бѣлыми буквами «убійца».

На телѣгѣ, у ногъ убійцы, сидѣлъ не менѣе блѣдный священникъ съ крестомъ въ рукѣ. Позади телѣги шелъ высокій, коренастый, сѣдоватый мужчина въ плисовой потертой поддевкѣ и широкихъ шароварахъ. На головѣ у него надѣта была черная круглая мерлушковая шапка. Черезъ правое плечо, на ремнѣ, висѣлъ длинный деревянный ящичекъ, формой похожій на небольшой гробикъ.

— Грѣшника везутъ! Грѣшника везутъ!—пронеслось шопотомъ въ толпѣ.

Грянула барабанная дробь, раздалась какая-то воинская команда, задвигались солдаты и жандармы на высокихъ лошадяхъ и обступили съ трехъ сторонъ двигавшуюся телѣгу, на которой, на высокомъ сидѣньи, болтался изъ стороны въ сторону привязанный, блѣдно-сѣрый человекъ. Двое солдатъ-барабанщиковъ пошли впереди лошадей, саженьей на десять, и, не переставая, выбивали барабанную дробь. Сидѣвшій высоко надъ толпою человекъ, «убійца», «грѣшникъ», беспомощно болтался во всѣ стороны, какъ старый кулъ, набитый соломой. Его голова, изуродованная безобразнымъ, съ болтающимися ушами, малахаемъ, качалась во всѣ стороны, какъ у трупа, а туловище и ноги, какъ бы совершенно независимо отъ движеній головы, подбрасывались кверху при каждомъ толчкѣ дребезжащей телѣги. Его окладистая борода и усы покрывались ледяными сосульками отъ замерзав-

шихъ на нихъ слезъ или слюны, и эти ледяныя сосульки также мѣрно качались при толчкахъ телѣги.

— Батько ѣдетъ, чтобы исповѣдать его передъ казнью, чтобы не померъ безъ покаянія,—говорилъ мнѣ на ходу шопотомъ бывалый товарищъ.—А тотъ, что идетъ позади, высокій, въ шароварахъ, съ коробкой черезъ плечо, это палачъ, Иванъ Ивановичъ... Я знаю это, навѣрно! Силища, братъ, у него непомѣ-ѣ-р-ная!

Барабанная дробь раздавалась непрерывно. Изъ боковыхъ переулковъ подходили новыя лица и приставали къ движущейся толпѣ. У воротъ встрѣчавшихся по пути домиковъ стояли зрители. Многіе осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ... Толпа росла и росла... А сѣрый, возвышавшійся надъ толпою человѣкъ, какъ автоматъ, мѣрно покачивался изъ стороны въ сторону...

— Идемъ скорѣе на базаръ,—проговорилъ торопливо товарищъ,—слышишь—гудятъ? Это народъ на базарѣ... Скоро привезутъ... Пожалуй, и мѣста не захватимъ.

Мы быстро обогнали медленно двигавшуюся процессію... На базарѣ, дѣйствительно, тысячная толпа гудѣла своимъ особеннымъ говоромъ... Сотни телѣгъ, нагруженныхъ деревенскими товарами, были облѣплены человѣческими фигурами. Въ толпѣ слышались вздохи и вырывались слова: «Господи, батюшка! Царица небесная... Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!»

Дробь барабана приближалась, народъ широко разступался передъ печальной процессіей, и головы тысячной толпы напряженно поворачивались за подъѣзжавшей телѣгой.

— Дай дорогу! дай дорогу!— раздавалось въ толпѣ. Съ грохотомъ подъѣхала черная телѣга къ эшафотной лѣсенкѣ и остановилась. Блѣдный батюшка, сидѣвшій у ногъ несчастнаго, торопливо поднесъ къ губамъ «грѣшника» святое распятіе, соскочилъ съ телѣги и скрылся въ толпѣ. На мѣсто батюшки на телѣгу поднялся тотъ здоровенный, высокій, сѣдоватый человѣкъ, съ коробкой черезъ плечо, который все время неотступно слѣдовалъ за телѣгой осужденнаго. Онъ казался громаднымъ темнымъ столбомъ сравнительно со скрючившимся, съжившимся, привязаннымъ за локти сѣрымъ человѣчкомъ. Руки были быстро отвязаны и, поддерживаемый палачемъ, путаясь въ полахъ сѣраго, арестантскаго одѣянія, сошелъ или, скорѣе, сползъ онъ на землю и по лѣсенкѣ взведенъ на эшафотъ.

Раздалась воинская команда; солдаты быстро размѣстились по всѣмъ сторонамъ эшафота въ разстояніи отъ него сажени на три. Позади цѣпи солдатъ, по два на каждой сторонѣ, на своихъ высокихъ лошадяхъ, выстроились жандармы съ обнаженными саблями. Барабанная дробь замолкла. Слѣдомъ за палачемъ и осужденнымъ, на эшафотъ, по той же лѣсенкѣ, взошелъ человѣкъ въ форменной одеждѣ со шпагой у лѣваго бока. Посрединѣ эшафота эта группа изъ трехъ лицъ остановилась: палачъ и осужденный стояли рядомъ, лицомъ къ лѣсенкѣ, а человѣкъ въ формѣ впереди.

Раздалась громкая команда, брякнули ружья,—народъ обнажилъ головы. Снявъ свою шапку и палачъ, онъ же снявъ съ головы осужденнаго его сѣрый малахай, съ

болтающимися наушниками и бросилъ его на платформу эшафота.

Показалось русское, круглое, со впалыми щеками, лицо съ коротко стриженными, русыми волосами; сѣрые мертвенно-блѣдные глаза его были закрыты, онъ, видимо, не вполнѣ сознавалъ происходившее съ нимъ и едва ли что-нибудь видѣлъ...

— «По указу Его Императорскаго Величества...— началъ читать громкимъ голосомъ фѣрменный челоуѣкъ, держа въ рукѣ бумагу. Чтеніе приговора продолжалось не менѣе пяти или семи минутъ. Въ приговорѣ была прописана вина подсудимаго,—«убійство», за каковое крестьянинъ такой-то приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ и наказанію плетью, чрезъ палача, восьмидесятью ударами.

— Восемьдесятъ ударовъ! Господи помилуй! Спаси Царица Небесная!—раздался чей-то испуганный полупотопъ за нашими спинами.

Во все время чтенія приговора и ранѣ, лишь только осужденный взошелъ на помость эшафота,—сквозь ряды солдатъ, рѣдкой цѣпью окружавшихъ эшафотъ, проходили десятки и сотни мужскихъ и женскихъ фигуръ изъ простонародья и, приблизясь къ платформѣ, клали мѣдные пятаки, трешки, копейки, грошики.

Большинство при этомъ осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ. Побрякиваніе мѣди о помость одно только нарушало мертвую тишину. Это было Христово подаваніе русскаго простаго челоуѣка несчастному...

Чтеніе приговора окончилось: форменная фигура сбѣжала съ эшафота.

Палачъ взялъ за руку осужденнаго, снялъ съ него сѣрый халатъ, бросилъ на помость, подвелъ къ столбу и поставилъ къ нему спиною. Цѣпями, висѣвшими на крюкѣ столба, приковалъ онъ его за локти. Черная квадратная дощечка висѣла на груди и надпись бѣлыми буквами: «убійца» виднѣлась явственно и четко.

Окончивъ это дѣло, палачъ снялъ коробку, висѣвшую чрезъ плечо, скинулъ съ себя черную длинную поддевку и очутился въ красной кумачной рубахѣ, подпоясанной чернымъ поясомъ. Коробку и поддевку онъ положилъ на помость. Затѣмъ онъ снялъ съ своей головы шапку, подъ которой оказался надѣтый на волосы узкій ремешекъ, чтобы волосы не падали на глаза. Поднявши съ пола деревянную коробку, онъ подошелъ съ ней къ правой сторонѣ платформы и показалъ ее стоявшему тамъ полицейскому чиновнику. Тотъ молча кивнулъ головой. Палачъ отошелъ на середину, раздвинулъ крышку коробки и, вынувъ изъ нея два длинныхъ ремня съ пряжками по концамъ и ременную, крученую, троехвостную плетъ съ круглой, объемистой, короткой деревянной ручкой, — положилъ ихъ на помость. Движенія его были медленны, размѣрны, неторопливы.

Взмахомъ одной руки онъ поднялъ вдѣланную посреди помоста подвижную доску («кобылу») на 40—50 градусовъ наклона и укрѣпилъ подпоркой, придѣланной съ внутренней стороны на шарнирѣ. Поднявъ затѣмъ съ помоста сѣрый халатъ преступника, онъ разостлалъ его на

кобылѣ, внутренней стороною кверху. Неторопливо подошелъ онъ затѣмъ къ стоявшему у столба, отомкнулъ его прикованныя руки, подвелъ къ кобылѣ, снялъ съ него арестантскую сѣрую куртку и, положивъ его на кобылу, спиною кверху, началъ припутывать ремнями ноги и руки. Окончивъ это, палачъ опустилъ «кобылу» съ привязаннымъ на ней человѣкомъ не болѣе аршина отъ помоста, въ наклонномъ же положеніи, завернулъ рубаху привязаннаго до головы, опустилъ шаровары и порты до колѣнъ, оголивъ спину и заднюю часть...

Жутко-мертвая тишина стояла надъ многочисленной базарной толпой. Тихо, какъ мертвые, стояли солдаты и жандармы, потупивъ свои суровыя, усаыя лица.

Палачъ взялъ въ правую руку плеть, распустилъ концы ея по помосту, наступилъ лѣвой ногой, продернулъ подъ подошвой, отступилъ шага на два и быстро, съ прысочкой подбѣжавъ вплотную, ударилъ... Ударъ отчетливо, рѣзко раздался въ тишинѣ. Душу раздирающій, нечеловѣческій, дикій, животный вой огласилъ базарную площадь...

— О-о-о-ой! О-о-о-ой! Ба-т-ю-ш-ки, от-ц-ы ро-о-д-ные, помилосердуйте!

— Разъ!—воскликнулъ чей-то громкій отчетливый голосъ.

Раздался или, скорѣе, шлепнулъ второй ударъ плети по живому тѣлу, и тотъ же дикій вой огласилъ площадь.

— О-о-о-о-ой! Батюшки, отцы родные, помилосердуйте!

— Два!—громко выкрикнулъ счетчикъ.

Послѣ каждого удара проходило секундъ десять, прежде чѣмъ повторялся новый, а вопль продолжался безостановочно, протяжно, безъ перерыва.

— О-о-о-ой! Батюшки, отцы родные, помилосердуйте! О-о-о-ой! Помилосердуйте! Отцы родные, помилосердуйте!..

Но милосердія не было въ тѣ жестокія времена...

Правая оголенная часть, по которой приходились удары, чернѣла, багровѣла, вздувалась. Послѣ громкаго выкрика «десять» палачъ обошелъ кобылу и, очутившись съ правой стороны, нанесъ ударъ, который пришелся по лѣвой оголенной половинѣ. Протяжно, непрерывно раздавались вопли несчастнаго! Въ толпѣ слышны были сдержанныя всхлипыванія... У меня дрожали ноги и подгибались колѣни, а глаза, какъ прикованные, не отрывались отъ чернѣвшаго тѣла...

Послѣ каждыхъ десяти ударовъ, палачъ переходилъ съ одной стороны на другую и продолжалъ свою ужасную работу... Слышны были удары плети и выкрики громкаго голоса: «двадцать! двадцать одинъ! тридцать! тридцать три! тридцать четыре». При шестидесятомъ ударѣ, вопли и вой внезапно прекратились и голова несчастнаго безжизненно повисла. Палачъ опустилъ поднятую съ плетью руку. По эшафотной лѣсенкѣ торопливо поднялся молодой уже человѣкъ съ небольшою склянкой въ правой рукѣ и совалъ ее замолкшему страдальцу подъ носъ. Послышались хриплые, харкающіе звуки и протяжный, протяжный стонъ... Остановка продолжалась минуты три, четыре, а можетъ быть, и больше.

Снова поднялись руки палача, снова слышались вопли и стоны и выкрики: «помилюсердуйте! Батюшки! о-о-о-о!»! но теперь вопли раздавались хрипло, глухо, скорѣе, какъ завываніе голодной собаки.

На послѣднихъ двадцати ударахъ крики и вопли прекращались три раза, голова безжизненно опускалась, и палачъ останавливался. Торопливо взбѣгалъ тотъ же челоуѣкъ, возился все дольше и дольше съ приведеніемъ въ чувство обмершаго...

— Семьдесятъ пять!.. Семьдесятъ шесть!.. Семьдесятъ семь!.. Семьдесятъ восемь!.. Семьдесятъ девять!—выкрикивалъ громкій голосъ, а наказуемый лежалъ, не издавая ни стоны, ни звука...

— Во-се-мь-десятъ!—Палачъ бросилъ плеть и, побѣжавъ къ головной части кобылы, снова поднялъ ее подъ угломъ не менѣе 50 градусовъ.

— О-о-охъ!—вылетѣлъ тысячеголосный вздохъ народа...

Передъ глазами тысячъ людей на приподнятой эшафотной кобылѣ лежало прикрученное, распростертое тѣло; ни звука, ни стоны... Чернѣла, какъ уголь, оголенная нижняя часть лежавшаго, и струйки теплой крови медленно стекали на эшафотъ. Палачъ взялъ изъ коробки какой-то блеснувшій предметъ, лѣвой рукой приставилъ его къ лбу лежавшаго и, размахнувшись правой, ударилъ—голова откатнулась кверху...

Быстро продѣлалъ онъ тоже самое съ правымъ и лѣвымъ висками, а безжизненная голова откатывалась при ударѣ въ противоположную сторону. Это было наложеніе

позорнаго клейма, на всю послѣдующую жизнь, почти неистребимое. На лбу была буква «у», на правомъ вискѣ «б», на лѣвомъ «и». Инструментъ клеймленія набирался изъ тонкихъ иглокъ, длиною въ толщину наружныхъ покрововъ лба и висковъ; изъ этихъ иглъ, какъ на ручномъ штемפלѣ, составлялись игольчатые буквы. При наложеніи и ударѣ по клейму, иголки пробивали покровы до кости; пробитое мѣсто, изъ котораго сочилась кровь, натиралось какою-то спеціальной черной массой...

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого пришлось мнѣ видѣть сотни восьмидесятилѣтнихъ стариковъ-каторжниковъ «штемпелеванныхъ», «клейменныхъ» тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ, а знаки клейма были замѣтны совершенно ясно...

Окончивъ «наложеніе клеймъ», палачъ сталъ развязывать ремни, прикручивавшіе лежавшаго.

Снова поднялся на эшафотъ человѣкъ, подававшій помощь при обморокахъ, поводилъ склянкой около носа лежавшаго, бралъ его за руку и что-то приговаривалъ! Явились два человѣка въ сѣрыхъ курткахъ, подняли несчастнаго, набросили на него его же халатъ, лежавшій подъ нимъ, сняли съ эшафота, уложили въ приготовленную четырехъ-колесную телѣгу и увезли, уже безъ всякой помпы, должно быть—въ больницу, а можетъ быть, и на кладбище...

Раздалась воинская команда. Солдаты и жандармы повернулись отъ помоста, выстроились и пошли мѣрнымъ шагомъ, но безъ барабаннаго боя.

Базарная площадь загудѣла человѣческимъ говоромъ, какъ прорванная плотина, отъ долгаго напора воды. Масса

народа подвинулась къ стѣнкамъ эшафота и жадно слѣдила за всѣми движеніями палача, одиноко оставшагося на платформѣ.

Опять-таки медленно, не торопясь, собиралъ онъ свои орудія казни, валявшіяся на помостѣ, и бережно, даже какъ-бы рисуясь передъ толпою, укладывалъ въ коробку. Надѣвъ скинутую поддевку и шапку, онъ началъ собирать мѣдные, пятаки, копейки и гривны, набросанныя «несчастному» народомъ. Собралъ ихъ, онъ сосчиталъ и положилъ въ карманъ своихъ широкихъ шароваръ. Затѣмъ спустился, держа подъ лѣвою мышкою коробку съ инструментами, по лѣстницѣ на землю, гдѣ поджидалъ полицейскій служитель въ форменной, сѣрой шинели; съ нимъ онъ и скрылся изъ глазъ толпы.

Было около 5 ч. пополудни, когда окончилась эта трагедія. Бывалые товарищи-бурсаки, затянувшіе меня на пзорище, были блѣдны, разстроены, потрясены, не менѣе меня... Младшій изъ нихъ, Гриша, заливался горячими, нервными, слезами... Хныканье, «распусканіе нюней» въ бурсѣ не терпѣлось, но на этотъ разъ никто не обругалъ его «плаксой», «дѣвчонкой», «рюмой».

Когда мы добѣжали до бурсы и предъявили кому слѣдуетъ увольнительные билеты, сказавъ, гдѣ именно мы были, то начальство, разспросивъ о видѣнномъ, благословило насъ и прибавило: «Всякое преступленіе карается закономъ. Помните казнь сію, въ назиданіе»!..

Да, я помнилъ эту торговую казнь, помню и теперь...

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. При Александрѣ II были уничтожены торговая казни и клейме-

ніе гражданъ русскаго государства, совершившихъ *первое* преступленіе и не *лишенныхъ* правъ состоянія. Десять лѣтъ изъ этихъ двадцати, начиная съ 1861 г., прошли недаромъ и для моей личной жизни. И вотъ, обстоятельства жизни и службы закинули меня на долгіе десять лѣтъ въ тѣ мѣста, куда со всей обширной Россіи сгоняли народъ, къ которому не относилось освобожденіе отъ этого позора. И въ составъ моихъ служебныхъ обязанностей вошли функціи того памятнаго мнѣ человѣка, который подавалъ помощь истерзанному... для новыхъ истязаній!..

Наступила полночь. Надо бы отдохнуть, собраться съ силами, заставить себя смотрѣть на предстоящее, какъ на неизбѣжность. Шестьдесятъ плетей... Тогда, въ эти мрачныя времена, въ описанномъ выше случаѣ—было восемьдесятъ; меньше только на двадцать ударовъ. Но что значать эти двадцать ударовъ, послѣ шестидесяти... Приговаривать къ плетямъ не такъ трудно, когда имѣешь дѣло съ юридической формулой, прилагаемой вдобавокъ къ постановленію, незнакомому человѣку. И при томъ судья самъ по большей части избавленъ отъ зрѣлища наказанія. Для него это—цифры: 60, 80, 100 плетей! Но знаете ли вы, что такое ударъ плети?..

Въ моемъ присутствіи, за обѣщанный рубль, съ дозволенія, конечно, зрителя Средне-Карійской тюрьмы Б—на, палачъ Сашка, чтобы показать свое искусство, съ одного удара плетью разбилъ казенную деревянную, массивную, табуретку вдребезги, удививъ не мало собравшуюся въ тюремной канцеляріи публику. Теперь представьте сто такихъ ударовъ по живому, чувствующему тѣлу... Прав-

да,—и это еще счастье,—палачъ—не машина, а все-таки человѣкъ, различающій живое тѣло отъ дерева.

Такъ я и не заснулъ до утра...

Въ восемь часовъ началось мое обычное дѣло по лазарету: осмотръ больныхъ каторжныхъ, которыхъ менѣе двухсотъ бывало рѣдко. Работы было много, и было надъ чѣмъ забиться хоть на время...

Наконецъ, пріемъ кончился, и Иванъ Павловичъ доложилъ, что все готово для «надобностей» предстоящей поѣздки; лошадь придетъ за нами часовъ въ 12 и надо не опоздать.

Исправнѣйшій былъ служака этотъ Иванъ Павловичъ, добрѣйшій, гуманнѣйшій человѣкъ, беззавѣтно преданный болѣвшему арестантскому люду. Это былъ чистый самородокъ, человѣкъ съ душой и сердцемъ въ суровой и безсердечной средѣ; но всѣ эти свойства онъ уложилъ въ рамки этой суровой жизни, дальше которой почти не смотрѣлъ. Присутствіе при наказаніи и помощь наказанному онъ считалъ своимъ нравственнымъ, служебнымъ долгомъ, къ которому готовился методически, какъ и ко всякому другому.

— Ничего намъ не подѣлать, г. докторъ! Изстари плеть гуляетъ по спинѣ арестанта; рѣшеніе выйдетъ, ну и бьютъ! Никто тутъ ничего не подѣлаетъ. Одинъ смотритель бьетъ до безпамятства или до увѣчья; другой, глядишь, немного пообмякнетъ, когда придется драть старика или женщину... Вотъ и все. Тоже бываютъ люди... Одинцовъ, верхне-карійскій смотритель, тотъ ужъ не помилуетъ! Глаза кровью нальются, надуется весь,—страшно смотрѣть... И

чего онъ усердствуетъ—Богъ его видитъ! А только, повѣрите: лютѣ палача Сашки... Не его спину бьютъ, такъ видно, за чужую не больно! Эхъ, попробоваль бы два, три удара на собственной кожѣ, вотъ бы и узналъ, что значить восемьдесятъ или шестьдесятъ. Да! Не шутка, г. докторъ, перенести шестьдесятъ ударовъ! Вотъ увидите сами... Случалось, до смерти забивали на моихъ глазахъ... Въмѣсто лазарета, отвязнуть отъ кобылы, да прямо на кладбище. Шутка ли: сто ударовъ,—когда ихъ кончишь? Кричить, кричить, а тамъ и замолчить на вѣки вѣчные, и спиртъ нашъ не поможетъ...

Въ половинѣ перваго мы отправились на казенной тюремной телѣжкѣ, запряженной парой сытыхъ лошадокъ. Телѣжка, оказалось, была послана смотрителемъ Верхней тюрьмы. На козлахъ сидѣлъ ссыльно-каторжный той же тюрьмы, разряда исправляющихся—внѣ тюремный. Отъ Нижней Кары до Верхней проѣхать нужно было восемь верстъ. На пути, въ четырехъ верстахъ, была расположена Средняя Кара и миновать ее было нельзя. Чувство стыда такъ и поднималось во мнѣ при встрѣчѣ съ рѣдкими прохожими, обычно-каторжными «вольной» внѣтюремной команды, переходившими съ промысла на промыселъ, или съ вольно-наемными рабочими горнаго вѣдомства.

Во все время пути, около часу, не перемолвились мы съ Иваномъ Павловичемъ ни единымъ словомъ. Инстинктивно почувствовалъ бывалый, издавшій виды фельдшеръ, что съ ѣхавшимъ въ первый еще разъ на дѣло докторомъ разговоры были неумѣстны. Я курилъ папиросу за папиросой и бросалъ недокуренные на дорогу.

— Ваше благородіе!—нарушилъ молчаніе возница-кучеръ.

— Что тебѣ нужно?

— На позвольте ли закурить трубочку? Что-то ворту пересохло...

— Закуривай, братецъ, закуривай... сдѣлай милость... Да не хочешь ли моей папирасы?

Къ намъ повернулось удивленное лицо возницы, молодоваго парня лѣтъ тридцати-пяти, съ небольшою, рыжеватою бородкою и такими же рыжеватыми усами.

— Какъ это вашу, ваше благородіе?

— Очень просто! Вотъ возьми и кури!—и я подалъ ему открытый кожаный папиросникъ.

— Много благодарны, ваше благородіе! Чувствительно благодарю... Побаловаться можно!—и ротъ его осклабился добродушнѣйшей улыбкой.

— Какъ тебя зовутъ?

— Три-фа-но-омъ!—протянулъ онъ, втягивая дымъ отъ зажженой папирасы.—Три-ф-а-номъ, ваше благородіе!

— Верхне-карійскій?

— Такъ точно, верхне - карійскій! Внѣтюремный... Третій годъ уже на слободѣ... Отбылъ испытуемый... Украшенія давно сняли!

— Какія украшенія?

— А вотъ, что на ноги, фунтовъ по пяти, надѣваютъ, да голову изукрасятъ—половину обрѣютъ... Все украшенія наши, арестантскія...

— Надолго пришелъ?

— На восемь.

— Какой губерніи?

— Дальній я, ваше благородіе, Олонецкой губерніи... Не опоздать бы намъ, ваше благородіе?—вопросительно проговорилъ онъ. Я взглянулъ на часы.

— Не опоздаемъ, дядя Трифонъ, не опоздаемъ! Времени еще довольно. Да и то сказать: не на свадьбу ѣдемъ...

— Это точно, ваше благородіе,—проговорилъ онъ и началъ подергивать лошадей возжами и помахивать кнутикомъ.

Минуть черезъ двадцать мы подъѣхали къ зданію тюремной канцеляріи. Покосившееся, какъ бы приплюснутое отъ старости и дряхлости, сѣро-грязное, оно расположено было въ десяти-пятнадцати саженьяхъ отъ тюремныхъ воротъ. Зданіе Верхне-Карійской тюрьмы находилось въ паляхъ ¹⁾ посреди тюремнаго двора и, какъ всѣ карійскія зданія 1872 г., было ветхо и грязно и напоминало загаженные коровьи или лошадиныя конюшни.

Въ тюремной канцеляріи собралось человѣкъ восемьдесятъ разнаго званія и состоянія. Смотритель тюрьмы, губернскій секретарь Одинцовъ, толстоватый, высокаго роста человѣкъ съ брюшкомъ, въ черномъ форменномъ сюртукѣ съ желтыми пуговицами, сидѣлъ на табуретѣ у длиннаго, не крашеннаго стола, приставленнаго къ окну. Гладко выбритый подбородокъ и усы его отливали синеватымъ цвѣтомъ. Узковатые, восточнаго типа глаза постоянно моргали. Черные на головѣ волосы были коротко острижены и тор-

¹⁾ Палы четырехъ-саженное, заостренное бревно, закопанное на два аршина въ землю, остриемъ кверху. Изъ палей, поставленныхъ рядомъ, устраивается тюремная ограда.

чали, какъ говорится, ежомъ. Приплюснутый носъ и толстыя губы, кривившіяся въ улыбку, дополняли остальное. Было ему лѣтъ 45, не болѣе.

Помощникъ смотрителя, Алексѣй Алексѣвичъ, суховатый старикъ съ плѣшивой головой и клинообразной сѣдой бородой, съ запачканными въ табакѣ усами, стоялъ въ сторонѣ и что-то передавалъ стоявшему тутъ же казачьему уряднику и тюремному приставнику Титычу. Три писаря (изъ каторжныхъ) въ арестантскихъ, сѣрыхъ халатахъ сидѣли за особымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, форменными книгами, и усердно выводили строчки на бумагѣ. Одинъ изъ нихъ сѣдой, лѣтъ шестидесяти, обращалъ на себя вниманіе шрамами на лбу и вискахъ отъ бывшихъ, вытравленныхъ уже, клеймъ. Это былъ знаменитый въ тѣ времена Жуковский, болѣе десяти разъ бѣгавшій съ каторги и посылавшій съ дороги, вмѣсто себя, десять смѣнныхъ Жуковскихъ. Битый кнутомъ, десять разъ—плетью, когда-то клейменный, онъ представлялъ изъ себя въ настоящее время сгорбившагося сѣдого старика, окончательно примирившагося съ каторжной долей. Всего въ каторгѣ Жуковский пробылъ болѣе 35 лѣтъ, пора было и примириться! «Да и ноги плохи стали, ваше благородіе, куда убѣжишь? Не уйдешь, все равно»,—говорилъ онъ, улыбаясь старческой улыбкой.

У косяка входной двери, съ лѣвой стороны, стоялъ человекъ средняго роста, коренастый, въ сѣрой арестантской курткѣ и сѣрыхъ арестантскихъ шароварахъ, заправленныхъ въ голенищи старыхъ высокихъ сапогъ. Круглое лицо, румяное, откормленное, съ длинными, русыми, под-

стриженными въ скобку волосами на головѣ, съ пробормомъ посрединѣ, сильно напоминали приказчика изъ мучного лабаза. Онъ весело оглядывалъ сѣрыми глазами собравшуюся компанію, но стоялъ почтительно, не шевелясь. Подъ лѣвой рукой онъ держалъ деревянную, продолговатую коробку.

Это былъ знаменитый карійскій палачъ Сашка, единственный на всю каторгу «крестный арестантскій батюшка». Проживая постоянно въ Средне-Карійской тюрьмѣ, какъ центральномъ мѣстѣ каторги, онъ, по мѣрѣ надобности, передвигался пѣшимъ порядкомъ изъ тюрьмы въ тюрьму, подъ надзоромъ полицейскаго казака. Передвиженія эти совершались обязательно наканунѣ предстоящаго наказанія. По прибытіи, онъ не запирался въ тюремное помѣщеніе изъ боязни сговора съ наказуемымъ, а ночевалъ въ тюремной канцеляріи.

— Прибыли, докторъ? Ну, и отлично!—проговорилъ смотритель, вставая и подавая мнѣ руку.—Здравствуйте! Здравствуйте! Какъ поживаете?—зачастилъ онъ синоватымъ басомъ.—Захватили все нужное? Ну, конечно, захватили, знаю, знаю... Иванъ Павловичъ знаетъ свое дѣло, не первый разъ... Старый воробей, усовершенствованный... А вы сами, докторъ, не видывали еще этой комедіи? Интереснаго ничего, ну, а поучительнаго для нихъ, подлецовъ, много. Смѣю доложить: прохвосты, народъ отпѣтый,—одно слово, варначье, чалдоны, да еще карійское варначье, каторжное... Гонять ихъ на Кару со всѣхъ сторонъ тысячами, а тутъ и возись съ ними, подлецами... Восемьсотъ человѣкъ этого варначья въ моей тюрьмѣ понапихано.

Извольте съ ними повозиться изо дня въ день... Поживите съ ними, докторъ, подольше, узнаете сами... Надоѣсть! Только и можно справляться, приглашая почаще Сашку, да розгачами, розгачами... Ты у меня смотри, Сашка,— обратился онъ круто къ палачу,—не вздумай фальшивить... Отпорю и тебя розгами, если замѣчу эту повадку.

— Слушаю, ваше благородіе!—проговорилъ палачъ, потряхнувъ волосами, и смѣющимися глазами оглядѣвъ присутствующихъ.

— Тамъ все готово, Алексѣй Алексѣевичъ?— обратился смотритель къ плѣшивому старику, своему помощнику.

— Все въ готовности,—отвѣчалъ тотъ, прищамкивая.

— Двинемтесь, господа!

Мы двинулись: впереди, размахивая руками, шелъ смотритель, потомъ плѣшивый помощникъ съ казачьимъ урядникомъ, за ними тронулся Сашка, за послѣднимъ и мы съ Иваномъ Павловичемъ.

Иванъ Павловичъ былъ серьезенъ и старался не встрѣчаться со мной глазами.

Я машинально передвигалъ ноги и упорно смотрѣлъ на широкую спину, коренастую фигуру заплечнаго мастера, легкой походкой съ перевальцемъ двигавшагося впереди. Лѣвой рукой онъ прижималъ деревянную, четверти три длиною, продолговатую, не окрашенную коробку, которую то и дѣло придерживалъ правой.

Брякнулъ замокъ калитки, вдѣланной въ тюремныхъ воротахъ, и мы перешагнули, одинъ по одному, внутрь ограды.

Восемьсотъ сѣрыхъ человѣческихъ фигуръ, безъ шапокъ на полубритыхъ головахъ, стояли двумя полукружіями отъ тюремной калитки до тюремнаго крыльца. Тишина была въ этой толпѣ поражающая: только изрѣдка слышалось побрякиваніе кандаловъ, при движеніи ногами. Было довольно свѣжо, но солнце свѣтило ярко и играло странными тѣнями на полубритыхъ головахъ...

А мѣсто, къ которому мы подошли, было самаго зауряднаго свойства. Шагахъ въ десяти отъ тюремнаго крыльца была поставлена некрашенная, обыкновенная деревянная скамейка, четверти три шириною, длиною немного болѣе $2\frac{1}{2}$ аршинъ. Нижній конецъ ея упирался въ землю, а другой, верхній, на двухъ придѣланныхъ деревянныхъ ножкахъ поднимался отъ земли аршина на полтора; скамейка представляла, такимъ образомъ, наклонную поверхность.

Предъ толпою арестантовъ, выстроенныхъ полукругомъ около скамейки, стояло человѣкъ двѣнадцать казаковъ съ заряженными ружьями, держа ихъ на плечо.

Смотритель, его помощникъ, урядникъ, Иванъ Павловичъ и я остановились у тюремнаго крыльца, обойдя стороной наклонно стоявшую скамейку. Заплечный мастеръ остановился у самой скамейки, съ противоположной стороны.

— Алексѣй Алексѣевичъ, — проговорилъ смотритель, обращаясь къ плѣшивому старику-помощнику, — идите поскорѣе за *тѣми*! Пора начинать!

Алексѣй Алексѣевичъ сказалъ что-то уряднику, тотъ захватилъ съ собою двухъ казаковъ съ ружьями и всѣ четверо вошли въ тюремное зданіе.

Тотъ, т. е. Непомнящій, которому предстояло наказаніе, сидѣлъ въ полутемномъ карцерѣ, куда удалялись изъ общихъ арестантскихъ камеръ, дня за два, всѣ, кому выходило судебное рѣшеніе наказанія плетью. Для чего практиковалось удаленіе изъ общей камеры—право, не знаю. Вѣроятно, тюремное начальство было убѣждено, что выдѣленіе на двое-трое сутокъ въ одиночное заключеніе передъ полученіемъ *рѣшенія* могло благотворно дѣйствовать на грѣшную душу.

Какъ ни проста была обстановка предстоящей казни сравнительно съ тѣмъ, что практиковалось лѣтъ двадцать назадъ,—ни барабаннаго боя, ни позорной колесницы, ни болтающагося на ней человѣка съ дощечкой на шеѣ и надписью «убійца», ни эшафота,—тѣмъ не менѣе на меня сильно подѣйствовала эта, повидимому, обычная каторжная картина... Кругомъ тюрьмы четырехъ-саженной высоты ограда изъ палей, загораживавшая божій міръ; въ десяти шагахъ грязное, покосившееся, облѣзлое зданіе тюрьмы, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, и сѣрая толпа арестантовъ съ кандалами на ногахъ (человѣкъ пять были прикованы къ телѣжкамъ-тачкамъ). Вся толпа стояла угрюмо, безъ вздоховъ, пожалуй, равнодушно... За толпой лежали пара быковъ, запряженныхъ въ простую водовозную телѣгу, и мирно жевали жвачку.

Трудно передать мои впечатлѣнія въ ожиданіи прихода «рѣшеннаго»: сердце усиленно колотилось, нервная дрожь пробѣгала по тѣлу, по спинѣ бѣгали мурашки... Я чувствовалъ, что лицо у меня горитъ отъ прилива крови, дрожатъ ноги, подгибаются колѣни; глаза застилаются слезой... Въ

головѣ проносились какіе-то обрывки мыслей и не было возможности остановиться на чемъ либо...

— Понюхайте спирту, г. докторъ,—проговорилъ тихо Иванъ Павловичъ,—вамъ, кажется, дѣлается дурно.

Я поднесъ къ носу склянку съ нашатырнымъ спиртомъ и закашлялся. Въ корридорѣ тюрьмы слышались торопливые шаги, бряканье кандаловъ, и на крыльцѣ показался старый, высокій человѣкъ съ всклокоченной, клинообразной, сѣдоватой бородой, съ полубритой головой, безъ шапки, въ наброшенномъ на плечи сѣромъ арестантскомъ халатѣ. Онъ шелъ между двумя конвойными казаками, впереди его шелъ плѣшивый Алексѣй Алексѣевичъ, позади—казачій урядникъ.

Быстро спустившись съ крыльца, группа остановилась шагахъ въ двухъ отъ наклонной скамейки.

Громкимъ голосомъ началъ смотритель читать приговоръ суда, и, пока продолжалось чтеніе, я не могъ оторвать глазъ отъ приговореннаго. Онъ стоялъ, понутивъ полубритую голову, постоянно шевеля губами, какъ бы повторяя про себя читаемое, и время отъ времени проводилъ языкомъ по синеватымъ губамъ. Его сгорбленная старообразная фигура, казалось, становилась ниже и ниже ростомъ, съ каждымъ прочитаннымъ словомъ. Ноги его дрожали все время, невольно побрякивая кандалами... Опущенныя по швамъ руки висѣли, какъ плети, только пальцы рукъ судорожно сгибались и разгибались, бороздя сукно халата. По блѣдно-сѣрому, сухощавому лицу пробѣгали судороги, какъ отъ нестерпимой зубной боли: оно морщилось, ежилось, кривилось, и, наконецъ, онъ истерически зарыдалъ...

— Простите, ваше благородіе, простите Христа ради... помилосердуйте! — рыдая, говорилъ онъ, заплетаящимся языкомъ,—не вынести мнѣ, охъ не вынести! смерть моя!

По окончаніи чтенія приговора, онъ упалъ на колѣни, рыдалъ и рыдалъ, стучаясь лбомъ въ землю и приговаривая:—Ваше благородіе, простите! ваше благородіе, простите!

— Взять его!—раздался громкій голосъ Одинцова...

Четверо арестантовъ выскочили изъ толпы, схватили приговореннаго за руки, ноги и голову, сдернули халатъ и въ одно мгновеніе растянули на скамейкѣ; затѣмъ сдернули его бѣлые грязные порты до колѣнъ, забросили на голову грязную бѣлую рубаху и оголили...

Двое изъ нихъ держали за ноги, двое за голову и руки...

— Берегись! Ожгу!—крикнулъ Сашка, очутившись съ правой стороны скамейки, и раздался ударъ... Нечеловѣческій, дикій крикъ, совершенно такой, какой я слышалъ еще ребенкомъ, зазвенѣлъ у меня въ ушахъ.

— О, о, о, о, о! О-о-ой! помилосердуйте!..

Послѣ удара на тѣлѣ показались три синебагровыхъ полосы и засочилась кровь.

Удары повторялись одинъ за другимъ, безконечный вой оглашалъ тюремную ограду, а арестантская кандаляная толпа стояла, не шевелясь... Вздучалось, какъ подушка, синебагровое, черное тѣло наказуемаго... слышалось шлепанье плети: такъ! такъ!

— Помилосердуйте! о, о, ой! помилосердуйте! батюшки, отцы родные!..

Два раза въ теченіе наказанія прорывался крикъ лежавшаго, и два раза Иванъ Павловичъ подносилъ ему къ носу нашатырный спиртъ: опамятуется, очнется человекъ,—снова и снова удары, снова вой и крики.

Кто-то считалъ удары, кажется Алексѣй Алексѣевичъ, и его громкіе выкрики: «разъ! два! десять! двадцать! двадцать пять! тридцать!» были единственными откликами окружавшихъ на безконечное: «помилуйте! помилосердуйте»!

Самъ смотритель Одинцовъ, съ выпяченнымъ брюхомъ стоялъ, потупя голову, и только изрѣдка взбрасывалъ глазами на чернѣвшую спину кричавшаго.

— Шестьдесятъ!—выкрикнулъ, наконецъ, счетчикъ.

Привели въ чувство ошеломленного, безчувственного человека. Пульсъ у него былъ нитевидный, слабый, едва ощущаемый... Глаза бессмысленно ворочались въ орбитахъ, дикіе, расширенные, налившіеся кровью... Въ груди бурчала и переливалась накопившаяся мокрота: его тошнило и позывало на рвоту... И жалкимъ, жалкимъ, истерзаннымъ, безжизненнымъ трупомъ казался онъ съ кандалами на сухихъ ногахъ.

Сняли со скамейки, набросили халатъ на плечи, предварительно обмотавъ избитое тѣло компрессами со свинцовой примочкой и уложили въ телѣгу, выложенную соломой.

Иванъ Павловичъ примостился съ боку лежавшаго, и телѣга тронулась въ карійскій лазаретъ.

— Въ камеры! маршъ по мѣстамъ!—громкимъ голосомъ скомандовалъ смотритель, и толпа кандалныхъ

зрителей двинулась къ тюремному крыльцу... Было часа четыре.

— Вотъ и покончили службу, докторъ,—теперь закусить да и выпить не мѣшаетъ!—обратился ко мнѣ смотритель.

— Скверное, подлое подожженіе нашего брата, Петръ Петровичъ,—сказалъ я невольно.

— Что же тутъ подлаго?—отвѣтилъ онъ, пожимая плечами,—мерзавецъ получилъ достойно и праведно... Бродяга изъ бродягъ, третій разъ бѣжалъ съ каторги, убѣжить и четвертый! Не безпокойтесь, не околѣетъ! Живучъ ихъ братъ: бьютъ, бьютъ, а все неймется... Въ ротъ имъ пальца не клади, — откусятъ! Вамъ все это вновѣ; въ четыре мѣсяца каторги не узнаете, а вотъ проживете годика два-три, и вы ихъ людьми считать не будете. Слышалъ, слышалъ, батюшка, про васъ. И къ намъ слухи дошли... Лазаретнаго смотрителя выгнали изъ пріемной, оконфузили передъ конвоемъ и каторжными... Въ морду ударилъ лазаретнаго старосту—эка невидаль! А человѣка оконфузили, да и пріятеля въ немъ не нашли... А безъ пріятелей здѣсь худо, докторъ...

— Спасибо за откровенность, Петръ Петровичъ...

— Не за что! чѣмъ богать, тѣмъ и радъ! Не брезгайте нами, мы тоже можемъ пригодиться, народъ мы простой, а съ волками жить, по волчьи выть... Да что-же мы стоимъ на одномъ мѣстѣ?—пойдемте ко мнѣ: закусить и выпить слѣдуетъ! Вѣдь службу окончили! Хе! хе! хе! Да и расписаться вамъ еще приходится.

— Въ чемъ расписаться?

— А въ томъ, милѣйшій докторъ, что вы присутствовали при исполненіи приговора надъ Непомнящимъ, говорилъ онъ скороговоркой, уже на ходу.

Его казенная квартира была по близости отъ тюрной ограды. Въ одной половинѣ дома жилъ Одинцовъ, другую половину занималъ командующій верхне-карской пѣшей казачьей сотней, заурядъ-хорунжій Яковъ Львовичъ Б-въ.

Квартира состояла изъ трехъ небольшихъ комнатъ передней и кухни. Одинцовъ жилъ на холостую и въ услуженіи держалъ каторжанку, молодую, здоровую бабу, пришедшую за убійство мужа.

— Эй, Хавроньюшка! Подавай-ка намъ выпить закусить отъ трудовъ праведныхъ,—командовалъ онъ лишь только мы переступили порогъ.—Заходите, докторъ, милости просимъ—гостемъ будете! А пока судъ, да дѣло за обѣдомъ и выпивкой покончимъ и дѣльце: вотъ приговоръ,—распишитесь-ка!

На столѣ появились чернила, перо и судебная бумага.

Мы расписались: смотритель,—что, согласно предписанію управленія Нерчинскими ссыльно-каторжными, такого-то числа, за такимъ-то номеромъ, онъ привелъ въ исполненіе приговоръ Забайкальскаго суда надъ ссыльно-каторжнымъ Непомнящимъ, а я,—что присутствовалъ при исполненіи приговора. Расписались томъ же Алексѣй Алексѣевичъ и казачій урядникъ, ходившіеся уже въ квартирѣ смотрителя.

Бойкая Хавронья подала на столъ водку и закусы. Началась выпивка по первой и по второй, общіе р